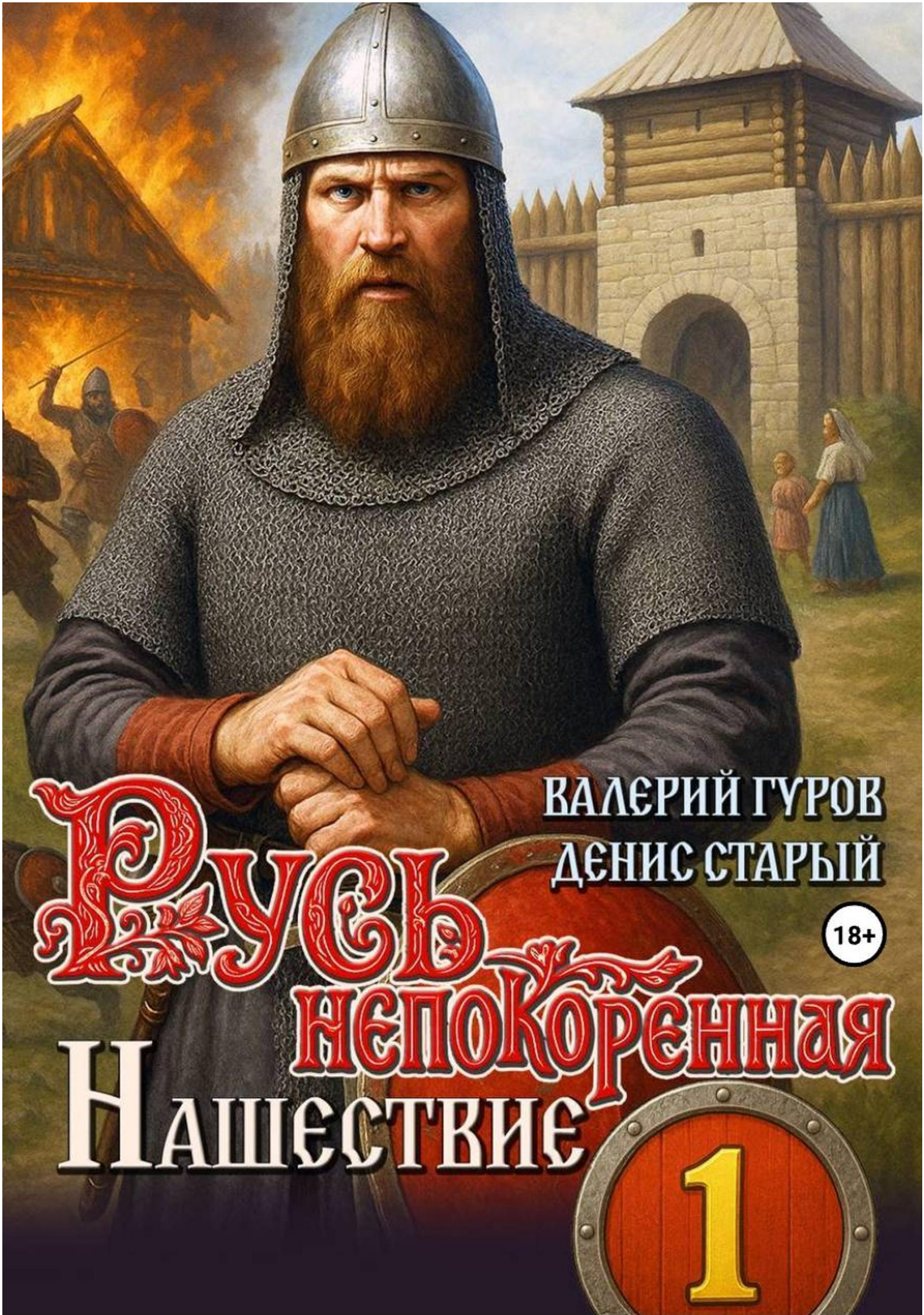

Валерий Гуров
Денис Старый
18+
Русь непокорённая
Нашествие
1

Валерий Гуров

Русь непокоренная. Нашествие

«Автор»
«Автор»
2026

Гуров В.

Русь непокоренная. Нашествие / В. Гуров — «Автор», «Автор», 2026

Очнулся — снег чёрный, тела на площади, вороны рвут плоть…Рязань сожжена. Татарва ушла, но их псы-кипчаки добирают уцелевших. А рядом ребёнок с белыми волосами зовёт меня по имени. Говорит, я — ратник Ратмир, что обещал защитить его родных.Я? Вчера я жил в совсем иной эпохе. Сегодня — голый среди мёртвых, но с чужим телом и чужой памятью.Что делать?Ответ один. Русские не плачут, русские бьются.Я поднял меч, собрал вокруг себя тех, кто уцелел, и впервые понял — моё время теперь здесь. Татары думают, что Русь уже покорена.Они ошибаются.Я здесь не для того, чтобы умереть вместе с Рязанью. Я здесь, чтобы начать освободительную войну.

© Гуров В., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Денис Старый, Валерий Гуров
Русь непокоренная. Нашествие

Глава 1

Рязань

24 декабря 1237 года (6745 от сотворения мира)

– Дядька… Дядька Путята, вставай! – слышал я стенания ребенка. – Как же еси ты сгинул? Аз яко же? Вставай, пойдём бить татарву!

Я лежал неподвижно. Не чувствовал своего тела и не понимал, что вообще происходит. Вот только что был бой, свистели пули над головой – и на тебе… Тишина и только плач ребенка. А, нет, еще и вороны каркают – словно всё небо рябью идёт от их крика.

Бой? Какой бой? Не могу вспомнить, лишь только мутные мыслеобразы посещали сознания и растворялись в тумане.

Тем временем тот же голос послышался с другой стороны.

– Дядька Алексей, чего же ты очи прикрыл своя? Вставай, защити, яко и обещал мне и всем рязанцам! – надрывался ребенок.

Мне удалось пошевелить рукой. Захрустел снег, ко мне приближались. Снег??? Разве же должна быть зима? Почему-то казалось, что я должен быть в таких местах, где о снеге знали только из рассказов и видео.

– Десятниче, вижу тя жива! Помози ми, роду мойму лихо приключилось. Няньку мого, дядьку Макара, да сестру Любаву без вести взяли [я же вижу, что ты живой. Ты десятник, помоги мне, горе. Мою мать и сестру забрали]. – набатом звенел детский голос в голове.

Вот прозвучали слова иначе, а я все понял. И это ярче всего доказывало: что-то не так.

Открываю глаза.

– Ты кто такой, мальчик? – спросил я

И я тоже говорил всё это другими словами.

Моему взору предстал чумазый чертёнок с белоснежными волосами. Такой альбинос, измазанный сажей. Мальчонка лет пяти, вряд ли старше. Он сразу показался мне самостоятельным, с серьезными грустными глазами, но было видно: ребенок хлебнул лиха с избытком и потому взрослел не так, как заложено природой, а едва ли не только что. Глаза… Голубые, наполненные надеждой и осознанием. Что осознало это дитя? Отчего мальчик наполнился серьезностью и грустью?

– Дядька, я ж Митрофан! С чего не признаёшь меня? – говорил мальчишка, заливаясь слезами. – Али разум твой уж на предков смотрит?

Я приподнялся, присел. Посмотрел ещё раз на мальчика, оглянулся вокруг. Это не то место, которое только что я видел. Хотя и помнил с трудом, что было только что… Африка? Там я был?

Сейчас же я видел разрушенный и сожжённый город. Нет, сожжённая декорация города. И холодно, как же холодно. Снег, он черный… Я зачерпнул в ладонь снег и посмотрел. Комок был весь серый от сажи. Да и воздух был наполнен угарным газом.

Я оторвал взгляд от своей ладони – а вот от мальца глаз уже оторвать не смог. Мальчик ходил между распростертыми телами и просил тех, кого знал и любил, на кого надеялся, встать. Он не принял их смерть. А что было вокруг? Пепелище… Остовы сгоревших домов, несмотря на ветер, был устойчивый запах гари, запах горя. И… мертвые тела.

Вот тут стояло явно большое и высокое здание, из камня, кирпича. Но и оно не устояло. Что-то – или кто-то – его разрушило. И тут же, рядом… О Боже… Глаза жгло, по щеке побежала горячая, будто тоже в огне, слеза.

На темном снегу лежала молодая женщина, и рука её даже в смерти прижимала к груди дитя – совсем младенца. Они были мертвы. Что за твари такое сделали? Трупы, трупы, вороны разгуливают среди мертвых тел. Раздетые люди, не упокоенные. Те, кто прошёл здесь, забирали даже исподнее.

А эта женщина с ребенком… Она была ещё так молода и необычайно красива. Кто посмел уничтожить такую красоту, кто столько душ загубил? [во время взятия Рязани княжна Евпраксия, узнав о смерти мужа, Федора, спрыгнула со своим сыном с вершины терема. По другой версии, это произошло в Зарайске]

Мальчик… Он взывал, он стенал, и я не мог ему не верить. Это не наигранные эмоции, это зов души, отчаянный, искренний. Такую боль не сыграет ни один актёр в мире. Его страдания были словно осязаемы – сердцем, кожей, каждым позвонком, сжавшимися в кулак руками я чувствовал их.

Я знал, как пахнет смерть. Причём сейчас я говорю не только образно. Сожжённая человеческая плоть… Этот запах не спутать ни с чем.

Посмотрел на свои руки и ноги. Свои ли? Точно нет. Но разве я должен тратить время на то, чтобы любоваться своими или чужими конечностями, когда рядом плачет ребёнок?

– Говори! Кому я должен помочь? – решительно сказал я.

Если всё происходящее – чей-то розыгрыш, чья-то злая шутка, то этот фантазёр, устроивший подобное, обязательно вдруг окажется без одного или нескольких зубов. Меня не страшило то, что я могу кому-то показаться глупым, мол, поверил. Пусть идиоты выбегают с криками «Розыгрыш!». Этот ребёнок не играет. Он живёт в своём горе. А если ему не помочь, то он умрёт.

Мальчик же, захлёбываясь своими слезами, рассказывал:

– Мы с лесу пришли. Бежали туда от татарвы. Голодно там и холодно. Дед Макар и Любава сказали, что татарва из Рязани ушла, нужно идти в град и подыскать себе шубейки али какую иную одежу зимовати, да снеди. Мы пришли, а тута кипчаки-половцы. Они забрали деда и Любаву, и иных, кого нашли на пепелище.

Мальчик посмотрел на меня серьёзными, не по-детски требовательными глазами.

– Ты обещался защитить нас. Я думал, что тебя убили. Но Бог миловал. Так защити, ратник княжий Ратмир, – закончил свой рассказ мальчик.

Защитить… В голове будто бы сработал триггер. Я резко поднялся, увидел возле себя тела сразу четырёх мужчин. Они были светловолосыми, лежали голыми, в крови от ран.

– То воины, что ты привёл. Почитай, что два десятка кипчаков вы положили. Дядька Ратмир, без деда-няньки и сестрёнки сгину и я. Нет у нас более защитника, батюшки моего, сгинул он в сечи на реке Воронеже. Так что я в ответе за сестру. Вызволи их, Богом заклинаю! Я сам мал, мне бы только вырасти… – сказал мальчик.

Рязань… татарва – так чаще называли монголов в древности. Неужели я так далеко в прошлом? Что ж, принимаем реалии, какие они есть. Размышлять будем потом.

Что именно мне делать, я даже не сомневался, не было никаких альтернатив.

– Ты как же сберегся? – спрашивал я, вставая, и…

Я-то тоже был голым, как и погибшие воины. На груди – запекшаяся кровь. Много крови, но вся она засохла на коже, а рана… словно бы рубанули меня по груди, но год с того прошел, не меньше. Был большой шрам,

– Так в палёных брёвнах и спрятался. Ещё сажей измазался, дабы не видно было лика моего. Был бы нож в руках, так с ножом бы кинулся на кипчаков тех. Идут, как те падальщики, собирают за татарвой, – отвечал словоохотливый паренёк.

Слёзы парень вытер рубахой в саже, рыдания прекратил. Может, почувствовал или увидел во мне надёжу – что я не собираюсь его оставлять здесь на погибель. Не знаю, получится ли спасти его родных, но очень бы хотелось. Ведь недаром я вдруг здесь появился.

Так что я намеревался приложить к этому все силы, знать бы ещё, насколько велики мои шансы.

И тут я услышал…

– Князь ратниктердің бірі аман қалды. сіз қалай рұқсат бердіңіз? оны алыңыз [Один из княжих ратников выжил. Как вы допустили? Взять его];[использован казахский язык, как родственный половецкому] – гаркнул, будто ещё одна ворона, неприятный голос.

Голос врага не может быть приятным. Это враг – однозначно. И я понял, что прокричали. Не дословно, но смысл понятен – меня хотят схватить.

– Беги, прячься! – приказал я мальчику.

Осмотрелся. Оружия не было. Стою на снегу, голый.

– Меч! Я его припрятал – думал сам врага бить. Меч сотника, нынче же принесу! – уже на ходу кричал мальчик.

Вот же непослушный ребенок. Но видно: парень с характером.

– Руси, нет дурь, на колен стан! – усмехаясь говорил мужик.

Он был с бритой бородой, но с усами, что ниспадали до подбородка. Без шлема, в желтой накидке, подбитой мехом и с замысловатым орнаментом из синей ленты, нашитой сверху. Низкорослый, с узким разрезом глаз. Я бы сказал, что монгол, но сколько похожих народов в Степи? Много.

Но… он не был чернявым. Волосы были скорее с золотистым оттенком. Никогда таких не встречал у явных азиатов. Правда, не сказать, что многое помню о себе.

– Ты раб… Твой бой все, нет, – ухмылялся светловолосый азиат.

Ишь какой! Так и хочется ответить в стиле «сам дурак». Но мне не выгодно ускорять события. Нужно увидеть или придумать, как… Нет, не выйти из положения. А как уничтожить врага. Тот, кто может ходить спокойно рядом с телами убитых людей, рядом с телом этой женщины с ребенком, и ухмыляться – тот враг мне, однозначно.

Это был наверняка один из тех, кого мальчик называл «кипчаком». Их было трое, с этим усачом, явно главным.

– Дерман, нам идти скоро, догнать, лучше убить рязанца, – сказал один из воинов, который медленно заходил на меня слева.

Вот уж правильное имя носит главарь. Но… кое-что полезное из этого я уже понял. Основной отряд кипчаков уже ушел, увел тех людей, что они взяли в рабство. Этих – трое, может, больше. Но пока такой расклад. Все равно не в мою пользу.

Однако если не действовать, то буду одновременно иметь дело сразу с тремя вооруженными и в броне мужиками. А этого допускать нельзя. Толпой точно завалят. Было бы оружие, а пока что я только и могу, что смущать кипчаков своим голым видом. Может хотят меня убить еще и потому, чтобы их женщины не увидели меня в неглиже и не набросились на мужей с упреками?

Делаю быстрый рывок влево, к одному противнику. Этот воин увлекся разговором с главарем и даже чуть повернул корпус, оказался ближе всех ко мне.

Шаг, второй, третий. Сабля устремляется в мою сторону. Отталкиваюсь ногами, болезненно падаю на свое седалище и скольжу по темному снегу.

– На! – выставленными вперед двумя ногами я сбиваю кипчака.

Тот падает, а в мою сторону летит стрела. Мимо. Ещё и лучник? Не было же его. Точно, вон он. Значит, я один против четверых? Что-то эти расклады мне вообще не нравятся. Но тут как бы и не девки, чтобы они нравились. Нужно драться.

Резко встаю. Сбитый мной с ног воин тоже пытается подняться. Вот только под тяжестью железа, на него надетого, он уж больно неуклюж.

– На! – от всей своей души пробиваю ногой вражине в голову.

Силюсь, чтобы не заорать от резкой боли. Бить по железному шлему – такое себе, оказывается, удовольствие.

Кипчак вырубается. Но у меня нет времени даже подобрать его саблю.

– Вжух! – очень близко от моей головы пролетает стрела.

Рядом главарь банды. Мне приходиться отходить. Я делаю шаги спиной вперед. Кипчак уже не ухмыляется. Мало того, он смотрит на еще одного своего подельника. И даже вдвоем они не решаются нападать. Возможно, мой реципиент серьезно кровь пустил этим деятелям? Или это я сам их впечатлил?

Еще шаг назад. Боковым зрением я контролирую выдвинувшегося ближе лучника. Понятно. Рассчитывают на то, что сейчас с дистанции меня достанут.

– Ратмир! – слышу голос мальчишки.

А потом и слышу хруст снега. Ну зачем бежит? Резко поворачиваю голову и вновь возвращаюсь к контролю противника.

– Кинь мне меч и уходи! – кричу мальцу.

Понимаю, что он услышал и даже послушался. Не подбежал близко. Бросил на снег клинок и отправился в свое убежище. Мне умирать никак нельзя. Если это случиться, то мальчика найдут. Хватит невинных жертв, пора бы ответить виновным.

Вижу, как спускает тетиву лучник. Ухожу в кувырок влево, стрела летит ровно туда, где я только что был. Убегаю. Кипчаки следом. Я бегу по дуге, уводя своих преследователей чуть в сторону от меча. Я должен после иметь возможность завернуть к оружию. Здесь, где до набега и пожара была площадь, можно совершать такие маневры.

– А-а! – слышу крик.

На бегу бросаю взгляд в сторону. Лучник заваливается на черный снег, добавляя еще и алый в цветовую гамму. Из спины кипчака, пробив кольчугу, торчит… Арбалетный болт.

Что? Я верчу головой. У меня появились союзники? И… у кипчаков так же союзники. Плюс всадник. Хотя и его коня можно считать за отдельную боевую единицу.

И вот я рядом с мечом. Падаю на землю, скольжу, беру клинок, поворачиваюсь с ним и тут же встаю в стойку. Руки знают, что делать, пальцы смыкаются на рукояти меча автоматически. Голова знает, видимо, чуть меньше. Но, в конце концов, я же пятиборьем занимался… в детстве. Целый… полгода. Навыки так себе. Но ножом я отрабатывал всегда на уровне. Наверное…

А еще я не привык сомневаться, а это в бою большое преимущество.

– Руси… я уход… ты ничто… прикажи свой воин, чтобы мне ничто, не стрелять. Пустить, – говорит главарь.

Тот, кто по-хозяйски ухмылялся, теперь сжал губы в нитку да просит об отходе, о пощаде.

Но о каком воине он говорит? Не о том ли, кто арбалетом орудует?

Да кем же ты был, ратник княжий, что меня в твоем теле так боятся? Или это зубы мне заговаривает, время выигрывает степняк? Конь несся в мою сторону, заставляя уйти вправо и встать за опалёнными бревнами сгоревшего дома.

– Вжух! – пролетел арбалетный болт, явно нацеленный на всадника, что приблизился ко мне.

Мимо…

Я стою на еще теплых углях, а рядом есть и такие, что прожгли бы мне босую ногу. Загнал себя в ловушку, ведь в глубине прогоревших развалин дома еще красно от углей и дым чадит. Меня и конного разделяют два поваленных и дымящихся бревна.

Но лошадь не пожелала дальше идти. На то и расчет был. Животные могут ничего не бояться, но всегда устрашатся пожара или следов его. Такова природа

Копытный монстр, закованный в железные чешуйки, остановился перед поваленным и ещё дымящимся бревном. Воин верхом на нём даже дёрнулся от резкой остановки. Лошадь вздыбилась. Наезднику ничего не оставалось, как только думать о том, чтобы не свалиться.

Я же метнулся в сторону лошади. Ступил на уголь и зашипел от боли в ступне, но тут же оказался на снегу, частично нейтрализовав ожог.

Шаг, второй. Оказываюсь сбоку от лошади. Всадник обнял животное за шею и всем телом прижался к ней, найдя наиболее удобное положение, чтобы не выпасть из седла.

– На! – на выдохе наношу мощный колющий удар врагу в бок.

Понимаю, что не пробил кольчугу. И пусть ему больно – мне от этого проку мало, уже главарь банды бежит ко мне. Или это он от кого-то убегает?

Жалко… Очень. Но есть решение, как нейтрализовать всадника…

– Хух! – на выдохе я вонзаю лошади в бочину свой меч.

Там не было защиты. Колю еще и еще… Несчастный конь дергается. Всадник чуть было не отправляется в полет, изо всех сил цепляясь только за стремена. Но… Хрипя, животное заваливается, погребая под собой всадника.

И тут же я делая шаг в сторону. Гнутая сабля Дермана, явного главаря, расчерчивает пустоту – я успел уйти от его отчаянного удара. Еще шаг. Думаю даже и побегать от главаря банды, измотать его, подгадать момент, чтобы ударить.

– Вжух! – в лоб мужику устремляется камень.

Небольшой такой, с ладонь ребенка. Пацан… Ну молодец. Прямо в лоб вражины, который его круглый шлем полностью не закрывает. Нет, не убил, мальчишка своим камнем. Но кипчак пошатнулся, потерял на мгновение ориентацию и равновесие, сделал два лишних шага.

Выпад! Черт. Мой меч со звоном ударяется во что-то железное, что было скрыто под цветастой накидкой кипчака. Зачем мечи, если они не пробивают защиту? Мой клинок оказывается снизу, вражеская сабля уже в руках приходящего себя врага…

– Хех! – снизу вверх, со всей доступной мне силой, наношу удар.

Ударяется металл об металл. Скрип режет уши. Но… Вот грудь кипчака, а меч скользит дальше, вот шея, но до нее клинок не достает. Подбородок… Я рассекаю лицо врага, глядя прямо в узкие серые глаза, в которых застыл ужас. Никому не хочется умирать. И той молодой матери, закрывающей собой ребенка, тоже не хотелось.

Отворачиваюсь. Смотреть на рассеченное лицо и голову, пусть и вражью, не доставляет мне никакого удовольствия. Осматриваюсь. Еще один остававшийся кипчак лежит на животе, а из его стеганной куртки с нашитыми железными пластинами торчат лишь кончики остриженных перьев. Арбалетный болт вошел плотно.

Замечаю, как, резко подхватившийся кипчак, тот, которого я выбил из боя первым, удирает к полуразрушенным воротам. Вот же гнида! Да он притворялся до этого, мол, все еще в отключке. Бежать за ним? Да, нужно догнать скотину, пока он не привёл ещё своих. Я делаю с десяток шагов, как…

– Вжух! – в трусоватого беглеца летит болт.

Ну и ладно. Меняю направление движения, подхожу к тому всаднику, что всё пытается выбраться из-под погибшей лошади. Вижу притороченный к животному кистень, или как называется эта хрень на цепи с гирькой. Беру и…

– Снял бы ты шлем, вражина! Погну же! – обратился я к всаднику, взгляд которого застыл в ужасе.

И вопреки своей же просьбе тут же обрушил гирьку с шипами на голову кипчака.

Минус… Все. Никого больше не видно.

– Выходи из укрытия, арбалет! – выкрикнул я.

Но сам был начеку. Поднял неподалеку небольшой круглый щит одного из кипчаков. Если арбалетный болт лупит так, что пробивает кольчугу, да еще и стеганую куртку под ней, то деревянный, обшитый кожей щит – так… скорее, для моего успокоения.

– Sono io, Luciano Totti. Hai comprato i leggings da me un mese fa [итал. это же я, Лучано Тотти. Ты у меня месяц назад поножи покупал] – сказал интурист.

Вот это номер! Я-то уже было полностью смирился с тем, что попал в прошлое, во время монгольского нашествия. А тут итальянец. Каким боком? Может с ним за Челентано с Арнелой Мути поговорить?

– Ратмир, ты знать я, – на русском, ну или на старорусском языке произнес итальянец.

Главное, что я понял. Слышу, вроде бы, и другие слова, но в голове рождаются понятные мне.

– Ты купить понаж у я.

– С «у я» ты тут, я спрашиваю тебя! – сказал я.

Начался адреналиновый откат. И в такой момент далеко не каждый боец может держать себя в руках и оставаться адекватным. А ещё и всё это…

– Дядька Ратмир, так то Лучан. Гость генуэзский. Чай, не признал? Ты же с ним состязался. Ты с луком, а он самострелом своим, – объяснил мне мальчишка, смело выходя из своего укрытия.

– По голове ударили. Многое позабыл, – нашёл я оправдание для своих нынешних и, скорее всего, будущих поступков и слов.

– А, то бывает. Бабка Аграфена порой так прикладывалась до головы мужа своего, что тот и розум потерял, – тоном профессора медицины сказал мальчик. – Али сперва розум потерял, а бабка так вернуть хотела, все палкой да по голове.

А потом малец внимательно посмотрел на меня.

– Ты разум не потерял?

– Приобрёл, – ответил я.

Немного расслабился. Лучано извлёк из своего арбалета заготовленный болт и отодвинул на поясе крюк, которым, наверное, пользовался при заряжании.

– Дитё, иди к воротам и осмотрись, как бы не было кого поблизости. Если кто появится, так дай знать, – приказал я.

– И не дитё я вовсе, дядька Ратмир, в бою был, стало быть, и не дитё! Но муж! – обиженно сказал мальчишка, но указание пошёл исполнять.

Установилась зловещая тишина. Лишь только вороны, напуганные неожиданной активностью людей, поднялись в небо, кружили и то и дело каркали.

Я не видел здесь больше никого, кроме нас, среди живых. Но ведь могут прискакать паразиты, гиены, которые рыскают по следам чудовища, пришедшего на русские земли с Востока. И что мне со всем этим делать? Есть идеи.

Глава 2

Рязань

24 декабря 1237 года (6745 от сотворения мира)

– Спасибо, Лучано, – сказал я, подходя к молодому на вид чернявому парню в коричневой стёганой куртке с наклёпками. – Ты сильно помог мне.

Я протянул ему руку. Генуэзец задумался, а потом схватил меня не за пятерню, а за локоть.

– Если не ты, они нашли бы меня и то, кого я спрятать у себя в погреб, – отвечал мне Лучано. – Простить я за промах конника.

Я усмехнулся. Да, не хитрость бы моя и не страх животного перед огнем, то… Ну не случилось же. Так чего и поминать.

Я посмотрел на арбалет генуэзского стрелка. Серьёзная машинка. И плечи у него стальные. Может, только излишне массивное приспособление для убийства себе подобных. Но, как я успел убедиться, пробивная способность у этого оружия серьёзная.

– Кого же ты спас? Много людей? – заинтересовался я ответом генуэзца.

– В подполе своего гостевого дома пять чад и два бабы, – ответил мне арбалетчик.

Удивление, что здесь вообще можно увидеть генуэзца, немного схлынуло, когда я вспомнил, что в это время у Генуэзской республики должна быть серьёзная торговая фактория в Крыму. И наверняка же они торговали с русскими городами. Особенно, с такими крупными, какой должна была быть Рязань.

Тем более, что времени размышлять нету. Понятно, что кипчаки-половцы уже куда-то спешат на юг от Рязани. И что у них есть пленные. Решать эту проблему мне. Все те, кого молил спасти тот малец – никто не смог подняться на его зов, кроме меня. А меня… Не зов ли парня пробудил? Да нет же… Если есть объяснение, то оно более рациональное.

Нужно ли встревать и освобождать этих людей? Безусловно. Может, эту жизнь, которую мне даровали неизвестные силы, и следовало бы прожить ярко – успев сделать хоть что-то по-настоящему правильное и освободить сколько выйдет христианских душ из басурманского плена.

Вот, уже начинаю размышлять, словно бы и родился здесь. Басурмане… Отличное слово.

– Веди своих спасённых! – приказал я.

На удивление, или же мой голос звучал так уверенно и чётко, но Лучано отправился выполнять приказ.

Понятно, что здесь нельзя никому оставаться. Наверняка ещё не одни стервятники наведаются в разграбленную Рязань, чтобы чем-то поживиться. Когда тигры грызутся за добычу, неподалёку всегда так и шастают шакалы, которые надеются через подлость что-нибудь себе захапать.

Я подошёл к убитому мной главарю банды и принялся его раздевать. Я старался не смотреть на разрубленную голову и сдерживал рвотные позывы, думая лишь о том, что мне нужно одеться. И уже скоро совладал с собой. Ибо холод, который пронизывал меня, стал главной проблемой. Я замерзал.

Тело кипчака было тяжёлое, да и одежда этих времен не имела молний и пуговиц, а руки и ноги у меня совсем застыли. Так что в какой-то момент, ещё не добыв одежды, я даже приблизился к одному из домов, чтобы согреться в дыму пожарища.

Тут же почувствовал себя неловко. На площадь как раз выходили две женщины с пятью детьми. А я стою перед ними – полностью голый. И прикрыться нечем.

Что ж, сейчас не та ситуация, когда стоит стесняться. Перед женщинами мне точно не стыдно. С такими мужскими атрибутами стесняться грешно. Это я в том числе и про поджарую мускулистую фигуру.

– Лучано, раздень этого кипчака, – я указал на главаря. – И дай мне его одежду.

Парень посмотрел на меня. На его лице на секунду отразилось недовольство, скорее всего, потому что я здесь распоряжаюсь. Но он подчинился. Возможно, если бы я выглядел чуть постарше, то и протеста никакого не было бы. А так, даже не смотрясь в зеркало, уже понимал – я довольно молод. Насколько – вопрос вторичный.

– В граде оставаться опасно. Нынче же везде опасно. И нужно искать место, чтобы остаться вдали и схорониться, – я обращался, прежде всего, к женщинам.

Детишки переминались с ноги на ногу, все с виду четырёх-пяти лет. Они выглядывали из-за мамок, толкаясь за спинами женщин. Один маленький свёрток, младенца, женщина держала на руках. Дети были в полушубках, женщины в добротных шубах. Это явно говорило о том, что Рязань была богатым городом.

Да и Русь… Я не историк, я лишь увлекался, когда было на то время, чтением. Но один факт запомнился четко: только к концу XVI века численность населения русских земель сравнилась с домонгольскими показателями.

– Куда ж пойдём, Ратмир Карпович? В Коломну? А там татарвы нет ли? – обратилась ко мне женщина.

Обе женщины казались мне симпатичными, несмотря на то, что имели испуганный, неопрятный и чумазый вид. Одна, помоложе, так и вовсе красавица. Светловолосая, с яркими, зеленью отливающими глазами. В меру полная, но это ещё, видимо, последствия недавних родов. Кулёчек, завёрнутый в множество тканей, именно она держала на руках, прижимала к сердцу.

И нет. Не смотрел я на женщин, как на объект влечения, несмотря на то, что я-то всё ещё голый и как бы… И они не замечали во мне никого, кроме мужчины-защитника. Я – защитник, я хочу, чтобы они выжили.

– Мы придумаем ещё, где переждать нашествие. А пока нужно в лесу вам схорониться. А мне полоняных высвободить, – сказал я. – После же заберем вас и подумаем, как жить дальше.

– Дай срок найти еды, да собрать хоть какой скарб на пепелищах, – сказала женщина, та, что постарше.

– Лучано, ты со мной? – обратился я к арбалетчику, уже облачаясь в рубаху.

И такой предмет одежды нашёлся на убитом мной степняке. Вообще они облачены удивительно привычно, вот словно бы и по-русски. Как описывали дружинников в книгах. Только вместо меча и топора – сабли с односторонней заточкой.

– Лучано, так ты поможешь мне или домой отправишься? – повторил я вопрос.

Генуэзец не сразу ответил. Сомневался. Я же понимал, что для него вернее было бы бежать в свою торговую факторию в Крыму. Это не его война, если только он не по-настоящему правильный мужик.

– С ты, Ратмир, – отвечал мне мужчина. – Опосля решу, как быть я.

Я усмехнулся и похлопал Лучано по плечу. Сделал это так, как и в иной жизни, когда был сильно старше, покровительственно.

Оставлять одних женщин и детей было бы неправильно, если только не убедиться, что они в безопасности. Но и время терять никак нельзя. Так что я понадеялся на Митроху, Митрофана – так звали рассудительного и серьёзного мальчугана, рядом с которым я пробудился.

Мальчонка, не убоявшийся боя и принесший мне меч, не хотел оставаться, но выбора не было. Проводили мы женщин и детей в лес и устремились в путь.

– Да стой ты, нелёгкая! – кричал я на коня, когда взгромоздился на него.

– А ране ты есть добрый конник, – говорил генуэзец, который в седле держался как влитой. – А нынча дурной ты конник.

– Сам дурак. И Запад твой загнивает. Извращуги бесполые, – пробурчал я, едва удерживаясь в седле.

Хотелось, конечно, сказать, что мне просто попался чужой, более строптивый конь, но явно же было видно, что я словно бы растерял навыки верховой езды. Вот так: не имел, но растерял.

В прошлой жизни я пробовал осваивать верховую езду. Думал, что это может пригодиться мне по службе. Мало ли, куда закинет нелёгкая, где не будет дорог или автомобилей.

Так что называть меня полным профаном в этом деле не стоит, могу обидеться и дать в лоб. Тут ещё дело в другом: нужно приноровиться к этому седлу, к стременам неудобным и высоко посаженным. Да и жеребец был, возможно, привыкший к своему хозяину, так что ему просто не нравилось то, что нужно тащить на своем благородном горбу моё седалище.

Найти следы, по которым нам идти за кипчаками, не составляло никакого труда. Видимо, буквально ночью прошёл обильный снег, который полностью затушить горящую Рязань не сумел, однако выше чем по щиколотку белоснежного покрова насыпал.

И мы просто шли по следам от полозьев саней, людей и разных животных. Через два часа пути обнаружилось ещё одно свидетельство…

– Сука, зубами рвать буду, – прорычал я.

Ребёнок… Даже вспоминать не хочу.

Если в этом мире нормальным считается убивать детей и оставлять их на обочине, то я буду учить мразей, что так делать нельзя. Ни с какими детьми. Даже если сильно хочется ворваться в юрту, или где ещё живут кипчаки, вырезать всех родичей, включая детей – так поступать нельзя.

– Мы их нагоняем? – спросил я у Лучано.

Он вновь посмотрел на меня удивлёнными глазами.

– Ну не помню я многого, – понял я смысл взгляда боевого товарища.

Да, мне было бы положено знать, прочесть по следам, настигаем или нет. С какой скоростью идут пленники и их охранники, а как двигаемся мы. Находили и места непродолжительных стоянок. По тому, как давно потушены костры, даже по тому, как справляли нужду, можно было бы понять, догоняем ли мы отряд кипчаков.

– Они вышли поутру, за два часа до нас, – сообщил мне генуэзец.

Судя по всему, мы должны были настигнуть людоловов ещё до сумерек, с учётом, что стемнеть должно рано. Зима всё-таки.

Путь наш лежал через поля и пролески. Мы будто бы пересекали ту зону, что разделяла Лес со Степью. Близко всё-таки Рязань находится к степным просторам. Видимо, всё же с половцами было серьёзное перемирие или даже долгий мир, если процветали города, что на границе находятся. Впрочем, уже не находятся, а находились. Рязани больше не существует, лишь угли и пепел.

– Стоим! – приказал я, когда понял, что в ближайшем пролеске остановились те, кого мы и выслеживали.

Ещё и солнце не показывало признаков скорого своего исчезновения, а мы настигли людоловов и тех людей, которых они решили обречь на унижение и медленную смерть.

Коней мы привязали в редком лесу, выложили им все то, что было в седельных сумках, сено и немного овса, и стали облачаться в светло-серые льняные рубахи, которые надевали поверх доспехов. Так себе маскировочный халат, но вряд ли кто-то в потёмках различит светло-серую ткань от белоснежного снега.

Даже арбалет Лучано и тот укутали в ткань. А ещё мы свои лица измазали известью. Шлемы тоже были обёрнуты. Я не стал брать арбалет. У Лучано в погребе таких было три,

да еще и заготовки на парочку. Он мне по дороге уши прожужжал, что русичи не умно поступали, когда отказывались покупать арбалеты. Мол, они, генуэзцы, любую осаду выдержали бы с помощью арбалета…

Сейчас мы находились примерно в полутора километрах от того беспорядочного скопления людей, которое собой представлял лагерь кипчаков.

– Готов? Делай как я! – сказал я и лёг, пополз по-пластунски.

Мы ползли не напрямик. Девали небольшой крюк, чтобы меньше попадать в поле зрения кипчаков. Проползая некоторое расстояние, я всматривался вдаль, анализируя, не обнаружены ли мы. Не привлекли ли внимание те борозды, что на снегу от нас остаются.

Главная проблема состояла не в том, что нас увидят, а что увидят следы, оставляемые нами.

И тут, будто бы Господь нас услышал, начался обильный снегопад. Тяжёлые хлопья снега срывались с небесного свода. Видимость тут же стала близкой к нулевой. Конечно, и мы не могли видеть, но главное, что не видели нас. А ещё практически мгновенно за нами заметались следы.

Метрах в ста пятидесяти от опушки пролеска мы залегли. Отсюда можно было рассмотреть лишь какие-то силуэты, додумывая, что же происходит и где кто находится.

Начинало смеркаться. Сердце стучало чаще. Пока ещё малыми дозами в организм проникал адреналин. Нет людей, которые не волнуются и не испытывают страха. Есть люди, которые умеют страх превозмочь.

– Вперёд! – скомандовал я и подал пример, стал ползти дальше.

Начиналась острая фаза операции, того смелого поступка, который, если я погибну, можно считать за глупость. Ну а если получится добиться своих целей – несомненно, это героическое деяние. Так уж получается, что идиотизм и героизм иногда находятся рядом. И то, каким эпитетом наградить поступок, зависит от конечного результата

Ну разве назовёшь мудрым решение вдвоём вступать в бой с целой дюжиной бойцов? И разве назовёшь взвешенным расчётом то, что мы собирались нападать не глубокой ночью, пока спать будут, а сразу, когда стемнеет?

Но всё это – не без причин. Я прекрасно понимал, что на первой же стоянке часть женщин и девушек подвергнется грубому, ломающему жизнь насилию. И сидеть в засаде, осознавая, что где-то рядом творится такое, я не мог. Я так думаю: если твоя женщина вынуждена терпеть насилие от другого – ты не мужчина. Я русский человек, я не могу, как мужик, допускать, чтобы русскую женщину…

Мы подползли, оставаясь буквально в пятидесяти метрах от первой повозки. Уже было темно. Плотная стена снега, обрушившаяся на многогрешную землю, изрядно помогала темноте скрывать наше присутствие.

Да и не было никому в этом лагере дела до того, что нужно выставить посты, наблюдателей по разным сторонам. Наверняка степняки были уверены, что если кто-то на них и нападёт, то этих отчаянных людей будет видно издали, на том поле, что разделяло два пролеска.

Я рукой указал Лучано, кто именно его цель. Рядом с повозками, к нам спиной, стоял один из бандитов. Он судорожно и спешно снимал с себя кожаные штаны. Безвольным телом на повозке лежала девушка, с неё уже сняли всю одежду. Она была без сознания и лежала безвольной куклой. Красивая… Очень… Это животное не вправе смотреть на такую красоту!

Я уже не полз, согнувшись, а быстро перемещался в сторону пленников. А если кто-то меня и заметит, то подумает, что это снежный ком вдруг ожил и решил, вопреки законам физики, катиться вверх по пологому склону небольшого холма.

– Бдын! – глухо прозвучала тетива арбалета.

Болт отправился в полёт и вонзился в спину насильника. Хотелось попасть несколько ниже, но тут уж не до выкрутасов. Один кипчак – минус. Он завалился на бессознательную

девушку, заливая ее кровью. Я лишь всмотрелся в темноту, убедившись, что девушка дышит. Но не стал с нее стаскивать тело кипчака. Нет времени. Сейчас все зависит от быстроты действий и принятия решений.

Я уже прислонился к большому дереву и оглядывался. Возле пленников расположились двое врагов. Складывалось впечатление, что эти два кипчака, скорее, выбирали для себя жертву, а не охраняли пленных. И вот один из них взял молоденькую девушку, взгромоздил её на плечи и понёс в сторону повозок.

Снег предательски хрустел, но я всё равно направился убивать врага. Удалось подойти сзади вплотную, но тут кипчак резко развернулся, его узкие глаза округлились. И не успел он произнести и звука, как острый нож разрезал гортань насильнику и людолову. Минус два.

– Ратмир! – закричала одна девица, узнавая меня.

Я приложил палец к губам. Она поняла, что нужно молчать. Но не было бы поздно.

Тут же я рассек, хоть и не без труда, верёвки, связывающие руки и ноги одного из бойцов. Было видно, что этот сильный мужчина явно умеет обращаться с оружием.

– Дальше сам! – сказал я, бросая нож мужику.

Тут же сбросил с себя притороченные две сабли и лук с колчаном стрел. Дотащил-таки оружие союзникам.

– Ратмир, ведь ты сгинул! Очи мои то видели, – шёпотом, но довольно громко сказал один из мужиков.

Я ничего не ответил, осматривался, контролировал обстановку. Пока было всё тихо. А в этой кровавой игре мы уже ведём 2:0.

Где находятся другие враги, я знал. Большинство из них сидели на поваленных деревьях вокруг костра. Ещё трое топтались чуть в стороне, где стоял большой казан – они что-то варили, переговариваясь и споря.

– Кто лучше других стреляет, забирай! – приказал я, махнув рукой на лук со стрелами.

– Ты с чего, отрок, повелеваешь мной, десятником старшей дружины князя? – шёпотом, но слишком громко возмутился пленник в годах.

Я посмотрел на него, самого зрелого среди остальных пленников, это если не считать старика, сидящего связанным в стороне. И пусть на его тёмно-русой голове отчётливо виднелась седина, я считал, что здесь и сейчас не то время, чтобы выяснять, кто главный. Это глупо. Главный – я! Уже потому, что пришёл их выручать и стою при броне да оружный.

– Всё после, – отрезал я.

Лук подхватил один молодой парень, своим видом мало похожий на грозного ратника. Ну да ладно. Приходится доверять.

– Идёшь со мной! – сказал я лучнику, а потом обратился к другим мужикам: – Вы нападаете на тех, что сидят у огня. Подходите со спины и убиваете.

Больше я к мужикам не обращался. Не обратил внимания на то, что десятник старшей дружины, как он сам заявил, грозно на меня посмотрел. Медленно, ступая по снегу, я пошёл в сторону трёх кипчаков, что возились у костра с казаном.

Обернулся.

– Отсюда стреляй! – тихо сказал я лучнику.

До того всё пробовал показать ему жестами, что делать. Но он упорно шёл за мной, когда уже нужно и остановиться.

Позиция для лучника, на мой взгляд, была хорошей. В его поле зрения попадали и те воины, что стояли у костра с казаном, и те, что сидели на поваленных деревьях.

– Как только близко подойду, стреляй вон в того, – показал я на одного бандита, что стоял немного в стороне от двух других.

Это ещё везло, что все трое были спиной ко мне. Вернее, я мог немного обойти сбоку и зайти им в тыл.

Шаг… Ещё один. Кипчаки были без брони. Наконец-таки можно работать мечом, не ожидая, что он встретит железную преграду на пути к человеческой плоти. Но человеческой ли? Люди ли передо мной? После того, что я увидел в Рязани и того, брошенного на дороге, мертвого ребенка, сильно в этом сомневаюсь.

– Хех! – бью мечом по шее врага.

Нет, голова с плеч не слетает. Но легче мертвецу от этого не становится. Тут же делаю выпад и протыкаю грудную клетку ещё одному врагу. Он успевает повернуться ко мне, наши глаза встречаются. Вражина удивлён? А я удивлён, что смог попасть прямо в сердце, не приноровившись ещё к мечу.

– Вжих! – стрела пронзает горло третьего кипчака.

Он хрипит, но не падает, делает ещё несколько шагов в сторону основной группы бандитов.

– Бух! – арбалетный болт вбивается в грудь одному из кипчаков, что сидели на поваленных деревьях.

– А-а-а! – раздаётся крик.

И с этими звуками на кипчаков наваливаются семеро русских ратников. Тот мужик, что хотел поспорить со мной за право приказывать, сноровисто перерезает горло одному из бандитов.

Восемь кипчакских бандитов на семь русских воинов – схватка уже, можно сказать, равная. Впрочем, а почему на семь? А Лучано? А тот лучник, что стоит возле меня и теперь мешкает снова выстрелить, лишь бы не задеть своего? А я, в конце концов?

Я не спешу. Примеряюсь. Вот вижу, как одного из русских бойцов начинает продавливать кипчак. Быстро подхожу и наотмашь рублю мечом врагу по спине. Подло подкрадываться со спины? А в этой войне вообще есть ли место для чести?

Тут же приходится резко делать два шага назад, так что я чуть не теряю равновесие. Один из врагов выбрал меня своей целью. Какой я фехтовальщик – это ещё стоило бы проверить, но только в другой обстановке. Пока только что отмахиваюсь мечом. Мне бы катану, там както больше навыков.

Ну же! Я вывел своего противника на открытую местность. Где лучник?

– Вжух! – стрела по касательной задевает плечо моего врага.

Он замешкался и покачнулся. Делаю выпад и устремляю клинок в живот кипчака. Меч с лёгкостью уходит вглубь. Бандит чуть разворачивается, и клинок остаётся в его теле, вырываясь из моего захвата.

– Вжух! – очередной выстрел лучника достигает цели.

Стрела застревает в груди кипчака, и тот заваливается. Тут же я делаю два шага вперёд и с хлюпаньем извлекаю меч. Сразу же присоединяюсь к одному из русичей. Ратник теснит своего противника, ловко орудуя саблей. Кипчак отвлекается на меня и получает рубящий удар в ключицу от напарника-русича. Минус.

Не сговариваясь, вдвоём мы наваливаемся на ещё одного вражеского бойца. Этот гад убил нашего соплеменника. Но было видно, что выдохся и противостоять двоим уже не в состоянии.

Роли поменялись: теперь мой напарник провёл отвлекающий замах, на который среагировал враг, а я в выпаде загнал свой меч под рёбра кипчаку. Результат – всё тот же.

– Вжух! – арбалетный болт впивается в бандита, стоящего над поверженным русичем, в двух шагах от меня.

Остальные русские воины уже дожимают двоих вражин. Ещё десять секунд – и бой закончен.

– И-и! – из-за дерева вылетает тонкая стрела и впивается в плечо моему напарнику.

Рваными движениями, качаясь из стороны в сторону, я приближался к вражескому лучнику. Вот он – тот единственный бандит, которого не удалось обнаружить.

Вот только смелости у него было не так чтобы много. Ещё секунда, и я вижу, как кипчак бросает свой лук и кидается в бега. Я – за ним. Мой организм явно не привык к долгим забегам. Или не оправился после смерти? Всего несколько метров, а уже дышу тяжело. Но сил достанет – на морально-волевых я настиг врага и ударил мечом по спине. Он завалился, и я тут же нанёс удар в сердце.

Бой окончен.

Глава 3

Окрестности Рязани

24 декабря 1237 года (6745 от сотворения мира)

Бой закончен. Из того, что я успел увидеть, у нас двое погибших и трое раненых. Могло быть куда меньше, если бы сработали правильно и без шума.

Подхожу к тому месту, где только что сидели и веселились кипчаки. Тут же здесь, вокруг меня, собираются и остальные пленники.

– Забираем всё и уходим в леса под Рязанью! – командую я. – Потом – дальше от этих мест.

Совет дельный, но единодушия среди тех, кто наверняка был бы убит да отдан воронью, если б не моё вмешательство, он не встречает.

– Не пристало отроку из младшей дружины повелевать десятнику дружины Старшей, – вновь поднимает вопрос о лидерстве седовласый мужик.

– Ещё как пристало! Я освободил вас. Вы позволили взять себя в полон. Старший – я! – решительно и жёстко, на всё ещё бушующем в крови адреналине, говорю я.

– Не бывать такому! – хмурится мужик.

Но меня ему не переупрямить. Он ещё не знает, каков ныне Ратмир.

– Кто так же считает – собирайтесь да уходите прочь. Всё то, что было у кипчаков – моё! – не отступаю я.

Чуть ближе ко мне подходит чернявый Лучано. Его арбалет взведён и готов к выстрелу. Нужно ли? Как не хочется допускать боя между своими! Но и позволить командовать тому человеку, что не знает даже слов благодарности…

– А коли не так, то что? – с вызовом спрашивает мужик.

– То будем драться! – решительно сказал я.

– Жировит, ты с чего ж озлобился? Ратмир в праве своём. И добыча его. В ином разе быть бы нам рабами, – пытался вразумить смутьяна тот большой мужик, которого я развязал первым.

Жировит склонил голову, бросил на меня злой взгляд, отошёл в сторону. Ну, не добром, но всё равно так лучше.

– А что дальше? Десятник Ратмир, ответь мне! – требовательным голосом вопросила очаровательная девушка.

Её растрёпанные волосы спадали светло-русым каскадом на плечи. Девица была в порванном платье, которое приходилось придерживать, дабы чтобы оно вовсе не упало с её округлых плеч. Пожалуй, она – самая красивая женщина, что я здесь увидел.

Правильные, красивые черты лица, словно у фотомодели. Точёная, даже спортивная фигура. Наверняка девушка не пренебрегала физическими упражнениями. И даже немаленькая грудь не мешала ей это делать. Словом, как говорили встарь, не девка, а кровь с молоком. Невольно я даже сглотнул слюну, несмотря на зимний холод, почувствовав, как меня обдало жаром. Если бы такая красотка появилась передо мной там, в погорелой Рязани, когда я только очнулся и был обнажённым, конфуза было бы не избежать.

– Так что же? – спрашивала девица.

И, судя по всему, она имела на это право – какая-то статусная девушка.

– А дальше? Нам всем нужно найти то место, куда не дойдут татары. Где мы сможем работать и жить. Война с татарами проиграна. Но в наших силах теперь не только что выжить, а и пустить кровь злодейским завоевателям, – полным уверенности голосом сказал я. – Но главное… Нужно место, куда мы вернемся.

Я действительно, из того, что знаю о монгольском нашествии, убеждён: здесь и сейчас их победить невозможно. У них дисциплина, у них колоссальное количество воинов. А Русь раздроблена, и быстро эту проблему не решить. Да пожалуй, и за сто лет её не решить.

Но и сидеть сложа руки никак нельзя. Даже сейчас, не имея возможности всё досконально обдумать, я уже знаю, что есть то, что я могу предложить этому миру и что ой как не понравится монголам. Вот только нужно место, где ковать будущую победу Руси.

– Споры после. Нынче собираем добычу, считаем, что взяли у половцев, и что кому по потребности, то и передаем нынче же. Дети – они должны быть в тепле и сыты, – сказал я.

Нет, работа вдруг не закипела. Пришлось еще немало сказать слов, вразумить, встретиться глазами с упрямым Жировитом, указать, кому что делать. Но все же и молодцы, и бабы стали разбирать телеги и кибитки половцев. Не все могли мы с собой забирать, но осмотреть нужно тщательно. Да и любое имущество должно быть подсчитано и присмотрено.

Всплыли мыслеобразы, и я вспомнил о своей службе. Мне не с чем сравнивать, как-то в своей жизни не так и много брал я конвоев… Да и больше там попадалось оружие – и, конечно, то были не палки и не луки со стрелами. В Афгане пришлось громить и караван с наркотиками. Так что… Половцев я не брал. И не понимал, что у них может быть ценным.

На первый взгляд добычу мы взяли очень неплохую. Мы?.. Подспудно, но я начинаю ассоциировать себя единым целым с теми людьми, которые сейчас занялись работой. Женщины, взрослые дети, а это лет от пяти-шести, – именно они составили костяк той рабочей силы, которая сейчас и перебирала награбленное кипчаками, готовясь к походу.

У нас складывалась серьёзная проблема, связанная с тем, что ровно на одну телегу-кибитку просто не хватало возницы. Это даже если учитывать, что всех женщин мы посадим за управление телегами. И более того – если мы посадим «за руль» ещё и трёх подростков, одиннадцати и двенадцати лет от роду.

– Ну… воевода, – с иронией сказала Любава, красавица, но, судя по всему, еще та язва. – Так вот… грозный воево…

– Любава, или говори, или иди прочь и подумай, что было бы с тобой уже этой ночью, – сказал я и потом уже тихо, чтобы точно никто не слышал, продолжил. – Тебя уже взять готовы были прямо вон на той телеге. И платье порвали… Будь благодарна. А еще и брат твой направил меня сюда, чтобы выручить.

– Митрофан? Он живой?

– Да, а ты работай и помогай! И меньше разговоров!

Она стояла и пыхтела, как тот паровоз. А потом залилась слезами и убежала. Понимаю, что неприятно. С другой же стороны, нужно понимать, что к чему и что к месту нынче. Это Лучано ее спас от поругания, первым выстрелом из арбалета снял насильника. Или она еще плакала от счастья, что брат живой. Или от всего разом: и от горя, и от радости, и просто, чтобы защитить себя слезами.

Девушка смотрела на меня исподлобья. Но я не добрый самаритянин, чтобы всем угождать. Защищать – не значит не поддерживать дисциплину. Ну и не обязан я обнимать каждую плачущую девицу. Тут все разрыдались, особенно дети. А мальчишки лет до десяти стояли, надували щеки, чтобы не заплакать, хотели быть сильными… Не получалось. Пусть выплакиваются. Это нормальная реакция организма на стресс.

– Ну? Говорить будешь, сколько здесь чего? – выждав время, спросил я барышню. – Обиды позже. Любава! Нам уходить нужно!

– Десяток и ещё семь – соболиные и лисьи шубы, еще и бобровые есть, – сообщала мне Любава, которая сразу и как-то негласно взяла командование «бабье-детским взводом» на себя.

Может потому и командовала, что быстрее остальных успела выплакаться. Еще бы была не такой строптивой, так и цены б девке не было. Впрочем, на рабском рынке на каждую ценник поставят. Это бы и дать понять и Любаве, и всем остальным.

– Серебро нынче не считайте, а то и за день не управимся, – повелел я, когда услышал про целый сундук.

– А что считать-то его? Там нешто поверх трёх сотен гривен будет? Половцы о том сказывали меж собой, – отвечала девушка, пожимая плечами.

– А ты половецкий язык знаешь? – уточнил я.

– Понять могу. Батюшка мой, в сечи погибший, послом был в Орде хана Аепы. У нас гостили кипчаки. Так что немного и знаю их язык, – отвечала девушка. – А вот то, что ты гривны не ведаешь… Видать, сильно тебя по голове-то…

Вот же язва. Все равно, если и не гривну, то свои «пять копеек» вставит.

Гривны… Знавал я такие, с позволения сказать, деньги в будущем. Не сразу понял теперь, о чем идет речь. Ведь ещё, вроде бы как, знатные мужики в Древней Руси носили плетёную проволоку на шее, которую гривнами называли.

Подошел к сундуку и посмотрел на эти «деньги». По сути, гривна – это такой вытянутый брусок из пористого серебра. На нём виднелись насечки. Несложно было догадаться, особенно по тому, что эта гривна была неполной, что по насечкам отрубались куски, которые служили чем-то вроде разменной монеты.

На Руси нынче нет даже собственной монеты! А ведь я знал, что в кладах IX–X веков находят монеты, пусть и арабские. Что ж, будем познавать мир. В своих потугах изучить историю некоторые моменты я неминуемо упустил. И если есть серебро, то почему бы и не чеканить монету? Видел я в музее Монетного двора примитивные, совсем не сложные станки для чеканки монеты. Видно, пока не до этого здесь, но рано или поздно наладим.

Всего больше половцы награбили оружия и доспехов. Но оно и логично. Я бы, на самом деле, больше обрадовался бы топорам и пилам. Безусловно, оружие нужно, но пока в нашей зарождающейся общине сабли и мечи и держать-то практически некому. Ну, в крайнем случае, приспособим древковое оружие, копье, которое проще в использовании. И кто копейщики? Бабы да детки?

Пока что я рассматривал добро в телегах, а Любава называла, чего досталось нам. Я сожалел, что нет бумаги и ручки, чтобы все записать и свести в табличку, под роспись – кому что передается в пользование. Вот такой я педант. Люблю, когда документы в порядке.

Вот… уже и не такие мутные воспоминания появляются. Но так… будто бы распаковываются один за другим заархивированные файлы.

Это буквоедство и серьезное отношение к документообороту началось после военного училища, и особенно усилилось, когда некоторое время я возглавлял русскую военную миссию в Мали. Бумага… тоскую по ней уже сейчас. Я не я, если у нас в поселении не будет хоть какой бумаги.

Бумаги нет, ну а что у нас есть? Более полусотни единиц разной теплой верхней одежды. Есть ковры, есть шкуры. Немало тканей. Оружия в таких комплектах, чтобы вооружить тридцать восемь ратников – буквально до зубов. Ведь половцы взяли и копья, и мечи русские, обоюдоострые.

У нас теперь двадцать три боевых коня, и для половины из них есть защита. И это не считая гужевых животных, запряженных в кибитки. Да, не в телеги, а, скорее, в передвижные дома.

– Есть украшения и стеклянные браслеты… много, а еще… – Любава резко замолчала.

Понятно, почему речь её прервалась – к нам подошел Жировит. Да не один, с двумя ратниками, теми, кто всё поддакивал ему в споре. Тут же к нам подтянулись другие ратники, и не только. Люди выражали одобрение моим действиям? Вот и хорошо. Но в каждом коллективе есть те, кто не вписывается в команду. Похоже, что это правило срабатывает и сейчас.

– Давай по-доброму, Ратмир. Неча нам лить кровь. Мы уходим, – оглядываясь вокруг и понимая, что остальные его не поддерживают, сказал Жировит.

– Уходи, – спокойно сказал я.

– Дай часть добычи, – все еще оглядываясь, говорил десятник старшей дружины.

– Она не твоя, Жировит, – сказал Мстивой, могучий воин, которого перед боем я первым освободил.

Поддержка была не лишней. Жировит был и без того растерянным. У меня этот человек не вызывал уважения. Он спасает свою шкуру. Разве же я не мог просто куда-нибудь удрать? Еще как. Или то, что я беру ответственность за бывших пленников, делает мои позиции сильнее? Да нет же. Ну если только взять ремесленников из тех мужиков, что среди пленных русичей. А вот дети и бабы – разве их сочтёшь моим войском, или годными для ремесла?

Жировит бежит теперь именно от этой ответственности. Ну и убегает от меня. Может, почувствовал, что я не отдам лидерство. А может, знал за собой что-то в бою с кипчаками, из-за чего не надеется вернуть уважение. Трусость? Как вообще допустили ратники, чтобы их взяли в плен и вели на продажу в рабство?

– С пустыми руками в зиму грех провожать. Берите четыре коня. Берите мечи и уходите! – принял я решение.

– Ратмир… – попробовал воззвать ко мне Мстивой.

– Я так решил! – сказал, что отрезал, я.

– Хм! – хмыкнула Любава, но язычок свой дерзкий придержала.

Я не стал оправдываться, а только оглядел всех, ловя взгляды и присматриваясь Если приняли одно мое однозначное решение, то примут и другие. Лидер без того, чтобы иметь возможность управлять, не лидер вовсе. А нам нужен тот, кто станет брать ответственность. И я уже начал это делать.

Скоро мы смотрели вслед удаляющемуся Жировиту с двумя ратниками. Пусть уходят. Может, повезет, и кто-то из них затребует в бою еще одну или несколько монгольских жизней. Ну или спрячутся где. Зла не желаю. Я никакому русичу, если только он не будет предателем, не желаю дурного. Не будет на нашей земле врага, будем смотреть – кто хороший, кто плохой. А пока…

– Недобрый он, Жировит. Кабы после не пожалеть, что отпустили, – сказал мне Макар.

Я посмотрел на старика. Глаза у него мудрые. Явно его слово имеет вес среди людей. Как я понял, он был то ли приказчиком, то ли управляющим у боярина, а дочка того боярина – Любава. А вот сын, похоже, это Матвейка – мальчик, который должен дожидаться меня в лесу у Рязани.

– Ты предлагаешь догнать и убить? Пролить русскую кровь, когда Русь без того стонет? – с нажимом спрашивал я.

Но старик замялся. А я посмотрел на него с недоверием. Не люблю советов, которые не имеют четких предложений. Со стороны можно критиковать, но критикуя, предлагать. Нет вариантов? Лучше молчать.

– Макар, коли нет ответов, не отвечай! – сказал я.

С кем я остался после ухода Жировита? Негусто было и до этого не самого приятного события. А теперь, так и вовсе.

Пять ратников, итальянец Лучано да я – вот и вся наша несметная рать. Но разве по этому поводу стоит паниковать? Нет. Никакой паники. Нужно выжить, чтобы жить. Да, мы не та сила, чтобы противостоять хоть бы и малому отряду врага. Но лиха беда начало.

– Выходим на Рязань! – командовал я, едва стало ясно, что мы готовы выходить.

Вперёд я отправил только одного ратника. Это был небольшого роста, но на вид ловкий и знающий себе цену воин – Воеслав. Больше людей позволить отправлять в дозор мы не могли.

Да, по сути, это было и не нужно. Встречались только редкие пролески, в основном же впереди – голое поле. Снег прекратился, и видимость была на километры вперёд. Достаточно было выйти одному ратнику и осмотреть просторы.

Вместе с тем двигались мы осторожно. Воеслав, которого потом сменил Мстивой, выходил первым из леса, осматривался, подавал знак остальным двигаться. Когда подходили к другому пролеску, там останавливались, и всё повторялось.

Ещё некоторое время мы могли наблюдать удаляющиеся спины Жировита и двух его подпевал. Злость все же душила меня. Вот из-за таких дрянных натур, в том числе, и проиграли мы эту большую войну. Как можно оставить беззащитных людей? Самое подлое, что может сделать воин, кроме предательства, – это уйти и оставить без своей защиты женщин и детей. Но с ним нам лучше расстаться тут, в начале нашего пути, чем иметь проблемы после. Уверен, что и без Жировита сложностей нас впереди ждет немало.

Мы подходили к Рязани, а я не переставал прикидывать так и сяк, как нам выжить в зимнее время на абсолютно новом месте. Где жить – пристроимся. А вот по продовольствию сложнее. У половцев не было скота. Того, что мы взяли у них, могло хватить на пару недель, ну, может быть, недели на три. А дальше? Но эта проблема на будущее.

Старик сказал, что некоторые жители Рязани всё-таки успели удрать в лес, и далеко не всех их отловили монголы. И когда люди уходили, то забирали вместе с собой и животных. Может, удастся чем-то разжиться.

Вот только мне не верилось в то, что, хоть и скрывшись от нашествия, они все смогли выжить в условиях пусть пока и не суровой, но всё-таки зимы. Это же сколько нужно брать с собой сена, чтобы прокормить ту самую корову, особенно в холоде!

– Чисто в Рязани, токмо лишь два десятка вернувшихся в город рязанцев. Я их знаю, – сообщил Мстивой, вернувшись с разведки в город, когда мы стояли в последнем перед Рязанью пролеске.

– Вперёд! Старик, ты отводишь детей и баб в лес, – принял я решение.

Возвращаться в город, на пепелище? То уныние, та безнадёга, которые там царили, теперь намертво врезались в мою память. Если бы не толика рационального мышления, я бы и рядом не останавливался. Гиблое теперь там место.

Однако в городе имелись богатые дома, и среди головёшек можно сыскать то, что сгореть не может. Гривна ли это будет или какой котелок. Может быть, где-то и подпортится железо, но вот серебро или даже золото – точно нет.

Так что я въезжал в город первым. При моём появлении два десятка помыкавшихся горожан прыснули в разные стороны. Они теперь сбились в толпу на той самой площади, где всё ещё лежали тела погибших воинов.

Где, словно бы на полотне великого художника, лежала женщина, обнявшая и закрывшая собой ребёнка. Где всё так же деловито ходили вороны, недоумённо посматривая на живых людей. Наверняка птицы уже уверились, что таких не бывает, и что теперь любой прямоходящий – это лишь какое-то недоразумение, которое скоро исправится. И вороны вновь станут хозяевами этого города – памятника абсолютному злу, потери человечности. Памятника гибели земли Русской.

– Не бойтесь меня, или не знаете, кто я? – спросил я.

Пленники знали меня, даже и во вражьей одежде. Узнал и тот дюжий мужик с сальными длинными светло-русыми волосами, эталон брутальности. Шуба накинута на могучие плечи, торс же полуголый, в фартуке, мышцы – хоть плакат на стену в качалке вывешивай. Глаза жёсткие, брови нахмурены. А ещё и молот в руках.

– А нынче и не понять, кто враг, а кто и брат, – отвечал дюжий мужик, подняв к груди увесистый молот.

– В том прав ты! – сказал я. – Но не станем же чинить препятствия друг другу. Мы посмотрим, что осталось. Вы же также возьмёте себе, что сами найдёте.

Мужик покосился назад, ища словно подсказку. И кто же такой авторитетный прячется за спинами, что этакий могучий человек ответ ищет? И вот вперед вышла та, кого выискивал глазами мужик.

– Негоже мёртвых тревожить и забирать у них скарб! – сказала пожилая женщина, если только не назвать её старухой.

А вот и лидер этой группы. Женщина. Интересный персонаж. Седая, морщинистая, не по-здоровому худа. И взгляд… Мудрый, пронзающий, с хитрецой. На груди, похожей на ведьму, бабы – массивный крест, а вокруг горла на тонкой верёвочке болтаются какие-то обереги.

Вот как соседствуют христианство и язычество? Тут же вспомнился анекдот, призывающий или трусы надеть, или крестик снять. Народ, пусть скрыто, но явно почитал и старых богов.

– Мёртвым-то ни к чему добро, живым же жить нужно, – ответил я.

– У мёртвых своя жизнь, их тревожить нельзя! – парировала женщина.

Что ж, пойдём по козырям.

– Чтобы выжили дети, чтобы новую жизнь начать, я готов нарушать старые обычаи. Если Господь Бог или старые боги равнодушны к плачу ребёнка – они, выходит так, что злые. А разве Бог злой? – высказался я.

Уж не знаю, как будут реагировать на такую мою позицию люди. Но не умирать же с голоду из-за религии?

– Али вместе мы, али уйдите с дороги! – сказал я и увидел, как нахмурился мужик с молотом.

Глава 4

Окрестности Рязани
24 декабря 1237 года (6745 от сотворения мира)

Женщина-ведьма изучала меня. И, конечно, получала в ответ мой любопытствующий взгляд. Потом она оглянулась себе за спину, где стояли дети и женщины. Там же, среди них, было и шестеро мужиков. По всему видно, обдумывала, принимала решение.

Хотелось бы пару ласковых и мужикам сказать, почему они не встали с мечом в руках, не защитили город. Ясно, что не каждому дано быть защитником. Кому-то нужно быть и созидателем, пахать да кормить защитника. И по виду этих мужиков я не сказал бы, что они бойцы. А вот дюжий мужик с молотом выглядел грозно. На его сером фартуке было немало пятен крови. Судя по тому, как держится, он вполне здоров, и кровь эта не его.

– Давно ли ты мудрым таким стал, Ратмир? Всё с мечами своими упражнялся, в церкву и то через раз ходил, – продолжая изучать меня пронзительным взглядом, спрашивала женщина.

– А вот когда смерть познал, когда лежал сражённый половцем, тогда и познал жизнь. Нужно жить, если она дается. Но мы долго говорим. Даже в разорённый город может налететь степное вороньё. Прямо спрошу вас: пойдёте ли с нами, али у вас свои пути-дороги? – ответил я.

Тут же на площади показался старик Макар. Он, видимо, быстро разгрузил одну из телег, чтобы подогнать её в Рязань. Скинул, небось, всё добро прямо в снег, да сюда устремился. А может быть, это и правильно. Своё добро потом подберём. А из города уходить надо, и побыстрее.

– И ты, ведьма, выжила? – воскликнул старик.

– Макар, леший тебя забери! Я ужо было подумала, что тебя черти унесли, – обменивались любезностями старик со старухой.

Причём видно же было, что они просто счастливы видеть друг друга. И перепалка эта – больше дружеская, несмотря на те, на слух обидные, слова, что сейчас звучали.

– Решайте быстро, с нами вы али как? Яму копать надо. Нельзя оставлять без упокоения людей, – сказал я и тихо добавил: – хотя бы тех закопать, что вокруг лежат.

На самом деле, когда я ехал в Рязань, то был уверен, что тратить время на захоронение мы не будем. Даже выкопать одну на всех яму и туда сложить, кого сможем, чьи тела не обгорели и лежали на площади – это потратить не менее трех часов.

Сейчас дело идёт к полудню, а зимнее солнце ждать не будет, скоро отравиться на «отдых». Но я глядел на площадь и понимал: оставлять здесь вот эту женщину с ребёнком или погибших ратников – значит собственную же душу ограбить да рязанцев добрых оскорбить.

– А идти-то куда собрались? Где нынче татарва? Думаю я, что она везде. Много их, ни конца, ни края нет злодеям этим, – говорила Ведана, та самая старуха.

Я не стал в очередной раз объяснять, куда и зачем мы должны отправляться. Раз старик со старухой прекрасно находят общий язык, то пусть он ей и объяснит. Сам же подошёл к ближайшему дому.

Утренний снегопад окончательно потушил большую часть пожаров в городе. Ещё кое-где шёл дымок, курились остовы и развалины, больше напоминавшие теперь мусорные кучи. Но даже угарного газа было меньше, чем тогда, как я очнулся.

Но что бы ни говорила старуха, как бы ни относились к этому горожане-погорельцы, ступать туда, где были жилища, где ещё недавно радовались жизни и растили детей, нужно. Обжечься можно, но, скорее, не от того, что наступлю на какой-то уголёк или обопрусь о горячую балку. Обжигали эмоции, которые опять рождались внутри, и от которых кровь закипала в венах.

Может, всё-таки отправиться вслед монголам и убить хотя бы с десяток тех ордынцев, что нынче разрушают русские города? Нет. Этим делу не поможешь. Самая главная моя сила не в мускулах и не в умении пользоваться оружием. Главная сила – это те знания, которые у меня есть и которые можно было бы приспособить и для смерти врагов, и для жизни соплеменников.

Куда же это я зашёл? Весьма вероятно, что я сейчас ступаю по территории княжеского терема. Именно по территории, так как эту груду головешек назвать даже и остовом от дома невозможно.

Не заботясь о чистоте своих рук, я скидывал одно за другим обожжённые брёвна. Другие люди пошли в иные места искать, что можно было бы взять с собой, что хорошо или хоть сносно сохраниться в сожжённых домах.

Не ранее, чем через полчаса моей неустанной работы, я наткнулся на приоткрытый люк. На удивление, этот люк был обшит железной пластиной. А из-под этой крышки торчало мужское тело. Не обожжённое, разве что чуть. Этот человек умер, потому что задохнулся угарным газом.

Я оттянул мертвеца подальше, чтобы посмотреть, что же там внутри, и заглянул в погреб сам. Здесь были люди, погибшие люди. Они надышались угарным газом и здесь же и завершили свой жизненный путь.

Так чем же нынешние монголы могут отличаться от фашистов в будущем? Так в чём же героика побед сыновей Чингисхана? Вот он – абсолютный геноцид. Город, который жил и процветал, этот самый город сейчас в руинах, и люди здесь… Они погибали не в газовых камерах нацистов, но от газа сгоревших уютных домов.

Слёзы стали проступать на глазах. Я не выдержал и отошёл. Всё-таки некоторые изменения внутри меня происходят. В иной жизни, в Африке, во время командировки, я тоже видел нечто подобное. Убитые женщины и дети, сваленные в яму. И тогда я переживал, но приказал тщательно задокументировать тот случай, действовал. А сейчас мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя, но всё же я вернулся.

Я оторвал кусок от рубахи того погибшего, что почти выбрался из погреба, обмотал тряпкой палку и, подпалив это всё от ещё тлеющих углей, спустился вниз. Осмотрелся. Восемь деток. Три женщины. Одна из них одета богато.

Я не решился снимать с неё украшения, хоть они в будущем могли бы даже спасти чью-то жизнь. Посчитал должным, чтобы эта женщина упокоилась в столь красивом наряде. В чём-то понял, наверное, праведное возмущение Веданы.

А вот сундуки, которые составлены были в этом хранилище, забрать нужно обязательно. Большого напряжения и запаса физических, и моральных сил мне стоило начать доставать сундуки. Чаще всего я сперва ставил сундук на попа и опирал о стенку подвала, потом подтягивал на лестницу, чуть выше, и опрокидывал на поверхность. Потом вылезал и начинал тащить.

– Помощь надобна ли, Ратмир? – спросил тот самый дюжий мужик, который теперь куда-то дел свой молот.

– Да, один я не справлюсь, – пришлось мне признаться.

Оглянулся вокруг, увидел и тех людей, с которыми пришёл, и тех, что нас встретили. Они тянули к площади разный хлам, в основном, железо. Ну да, для человека из будущего какие-то непонятные железки – точно хлам. А вот по нынешним временам…

Умудриться бы дотянуть большую часть этих железяк до места будущего поселения.

– Куда бы мы ни пошли – железо нужно везде. А надо будет, так я и перекую. Наковальня моя сохранилась, молот также, – сказал мужик в фартуке.

Будто бы прочитал мои мысли. Или я уж так внимательно рассматривал ту кучу металлолома, которая собиралась в центре города? И конечно, такой персонаж по всей логике должен быть кузнецом. Где ещё можно наработать такую мускулатуру?

Скоро я увидел в мускулистом брутальном мужике еще и чувствительного, эмоционального человека. Когда кузнец узрел тела маленьких детей, а также их матерей, и всех мёртвыми… Он разрыдался, словно сам был ребёнком.

– Я всё понимаю. Сейчас, Ратмир, сейчас, – всё приговаривал кузнец, отворачивая своё заплаканное лицо.

Я же уже перестал замечать собственные слёзы. Жить… Нужно жить и стараться всеми силами спасать тех, кто живой. Этими мыслями и нужно руководствоваться мне. Если я уже становлюсь лидером растерявшихся людей, то обязан соответствовать.

Минут через пять кузнец успокоился. Мы принялись куда более споро работать, доставая сундуки, как послышался крик:

– Конные! Сюда идёт отряд конных! – сообщал оставшийся дозорным ратник.

Я тут же привалил все те сундуки, что мы вытащили наружу, горелыми брёвнами, чтобы хоть на первый взгляд не было видно.

– Молчи про эти сундуки, – сказал я кузнецу, не будучи уверенным, что он последует моей просьбе.

Судя по всему, мы нашли что-то ценное. А люди… Во все времена среди них, то есть нас, найдутся алчные, которые пожелают забрать у более слабого соседа ценное. К сожалению, но себя нынешнего, как и тех людей, что рядом со мной, считать силой не приходится.

Сразу же я взял свой пояс с мечом. Неумело и торопливо завязав пояс, я побежал к тому месту, где некогда были ворота, но сейчас лежала просто груда сгоревшего дерева и кучи камней.

И увидел, как в стороне остановилась группа из двух десятков ратных людей. По всему видно, что это были русские ратники. Они остановились в километре от города и что-то бурно обсуждали, то и дело показывая на место, где когда-то была Рязань.

Уже скоро из этой группы выделились пять конных воинов, которые устремились к городу.

– Мал, Лучано, занимайте лучшую позицию и, если я взмахну рукой, начинайте стрелять! Остальные же пусть держатся чуть позади меня, – отдавал я приказы, потом немного подумал. – Кузнец, ты стоишь рядом со мной, за моей спиной.

– Будто бы имени моего не ведаешь, – пробурчал дюжий мужик, но всё-таки сделал так, как я сказал.

В его руках уже был молот. И в целом, если бы и в прошлой жизни я увидел такого рослого и сильного бойца, то несколько раз подумал бы, стоит ли с ним вступать в бой. И потому эффект, когда здоровый детина за спиной, а лидер ведет разговор, наверняка должен получиться соответствующий. Язык силы понятен в любом веке.

Вот на это и расчёт.

– Так то ж русичи. С чего их-то испугались? – бабка Ведана тоже подскочила к нам.

– Уйди и спрячься вместе со всеми остальными! – жёстко припечатывая каждое слово, сказал я.

Ведана внимательно посмотрела на меня, покачала головой.

– Ты не Ратмир… Али так изменился, что не узнаю я тебя, – сказала Ведана, а я сделал вид, что будто бы даже не услышал её слов.

Не думаю, что я вдруг разоблачён. А если даже и так, то всегда можно сказать, что я посланник богов или Бога, сыграть на религиозных чувствах. Но надеюсь, что выкручиваться из положения мне не будет нужды. Изменился – и все тут. А кто сомневается – пусть сам ищет оправдание изменениям в моем поведении.

– Добре, Ратмирушка. Гляди-ка, перестал бояться меня, – причитая, Ведана всё-таки уходила туда, куда ранее были отправлены старики, дети и женщины.

Там же и мужики из ремесленников и наверняка землепашцев. Не вижу смысла давать оружие людям, которые не способны им воспользоваться. Если бы сейчас стоял вопрос о выживании, то да. Но я рассчитывал обойтись разговором.

Конечно, можно было вооружить даже женщин. И, может быть, я в чём-то не прав, но по тем знаниям, что у меня были в будущем, уверен – мало уметь обращаться с оружием. Важнее иметь решимость им и вправду воспользоваться.

А эти люди явно не имеют ни решимости, ни навыков. Ну нельзя дать даже умнейшему профессору математики хирургический скальпель и сказать, чтобы он провёл операцию.

Между тем воины приближались. Уже не было никаких сомнений, что это русичи. Мы стояли таким образом, чтобы не показывать свою воинственность. Пускай сперва увидят меня, не обнажившего меч, но стоящего у них на пути. Они чужаки, мы тут хозяева. И никто не узнавал в прибывших рязанских ратников.

– Кто такие? – я буквально на долю секунды раньше успел я спросить, чем это сделал выдвинувшийся вперёд воин-чужак.

– Московская рать мы. Я сотник Алексей из дружины Филиппа Няньки, – ответил воин. – Что случилось? Татарва на Коломну пошла. Гляжу, что Рязани более нет.

Появилась какая-то информация. Мне почему-то казалось, что Батый сразу отправится на Владимир, а он, оказывается, пошёл на Коломну.

Понятно, зачем именно прибыли сюда эти два десятка ратников. Воевода Филипп решил разведать обстановку, узнать, где сейчас находятся татары. И правильно. Но еще правильнее было собраться всем и биться за Рязань. А теперь… Жалко русские города. И Москву возьмут.

Что-то припоминаю. Действительно, был некий воевода, которого прозвали Нянькой за то, что он, вроде бы, какого-то из князей воспитывал. И он даже героически держал Москву в обороне некоторое время.

Впрочем, учитывая необходимость гражданского патриотического воспитания в будущем, некоторые факты из истории могли, конечно же, умолчать, а что-то и преувеличить.

– Я десятник Ратмир из дружины князя Юрия Ингваревича, – после некоторой паузы представился и я. – Собрал выживших, будем уходить.

– Так чего же уходить, коли ладные ратники? Пошли со мной. Воеводе нынче каждое копьё на счету, – сделал предложение Алексей.

– У нас своя дорога. Нынче с татарами не совладать. Схоронимся мы, начнём их на путях отхода бить, – кратко изложил я свой план.

– То баба надвое сказала, кто верх возьмет. В дружине у воеводы Филиппа Няньки ратники добрые. Чай, с Божьей помощью супостата одолеем, – залихватски отвечал Алексей.

Но глаза его бегали, он выискивал, высматривал кого-то или что-то. И взгляд озабоченного и испуганного воина всё больше загорался огнем алчным.

– Так серебро же не горит… Много серебра собрал, десятник? – после некоторой паузы спросил Алексей.

– Не серебро я собираю, а людей рязанских, как бы схорониться. Коли выживешь, приходи к нам, – сказал я, демонстративно схватившись за рукоять меча.

– И кровь прольёшь? – скорее, из любопытства спросил сотник, приметив мои действия.

Я промолчал. В этом молчании можно было услышать решимость: если надо будет, то я пролью кровь. Даже этого бравого сотника, который, возможно, при осаде Москвы не одному татарину брюхо не вскроет.

– Не позарюсь я на твоё серебро. Коли не брешешь и людей собираешь. Как вы их оборонните, то ваше дело. Не думаю, что много вас. Но на то мы и ратные люди, так бы и поступать, – после продолжительного противостояния взглядами сказал Алексей.

– Ну тогда Бог вам в помощь. Коли есть ещё время, так пороки смастерите. У татарвы много камнемётов, – дал я совет.

Что такое пороки, я узнал только сейчас. Есть на Руси, оказывается, традиция делать катапульты. Но вот почему в Рязани таких не было, мне не ответили. Потому что раньше не было никаких причин ставить конструкции. Половцы же не брали русские города. Так что и не думали и не гадали, что кочевники вовсе способны на такое. Но монголы оказались способными, на погибель русичей.

– В город, стало быть, пускать меня не желаешь? А коли все же мы пройдем? – все равно настаивал воин.

Я подумал. Ну, хочет он получить какую-то прибыль… А у меня как раз в большом дефиците фураж для коней.

– Давай, славный ратник, я в дар тебе отдам коня доброго половецкого. Да и ступай с миром, и с советом моим. Дабы противостоять камнеметам, потребно сами такие иметь, – сказал я.

– Коня? Откупиться желаешь? – усмехнулся ратник.

– Ну не кровь же твою проливать, как и товарищей твоих? Вам еще татарву бить, – сказал я твёрдо, уже с угрожающими нотками в голосе.

– Экий грозный! – усмехнулся ратник.

Но я был предельно серьезен. Готов к тому, что придется сражаться.

– Ратмир, разговор к тебе есть у меня, – за спиной сказал кузнец.

– Сейчас? – удивился я.

– Да, – после некоторой паузы сказал кузнец. – И скажи ратным людям, кабы не уходили нынче же.

– Ждите здесь, ратники московские. Коня приведу, – сказал я и отошел в сторону.

Тут же приблизился кузнец.

Понятно, что он влез со своим вопросом не вовремя. Тут решать нужно, как откупиться, чтобы у ратных москвичей алчность глаза не застила. Но кузнеца я вычленил, как одного из главных людей моей будущей общины. Это и мужик здоровый, по всему видно, что боевитый. И, судя по всему, мастер, каких поискать.

А чтобы не только выжить, но и делать шаги вперед, мне позарез нужно будет кузнечное ремесло. Без него никак. Так что я был весь во внимании.

– Я же, Ратмир, уйду с московскими, – ошарашил меня кузнец.

– Как? Ты понимаешь ли, что назад дороги нет? Что ты погибнешь, а мог бы многое сделать, в том числе и для нашей победы, – принялся я уговаривать кузнеца.

Но видел, что тщетно. Тот всё уже решил, и глаза его горели тёмным огнём.

– Я должен взять кровью за смерть и поругание моей семьи и моей жены. Иначе не быть мне ни кузнецом, ни мужем… никем. Сердце… сердце щемит, – сказал мужик и сильно ударил себя в грудь. – А останусь, и разорвётся вовсе.

А после и слезы полились ручьем.

– Я должен… Я не кузнец, я нынче ратный, я убивать хочу татарву. За дщерь свою, за жену молодую – она зовёт, Акимушка, говорит, не отпусти неотмщёной меня, – причитал он.

– А сын твой? Спаси его, коли сам не желаешь жить, – сказал я.

– Он имеет право на свою месть, – сказал кузнец.

И что получается? С кем я остаюсь? Уж очень не хотелось отпускать кузнеца. Вот только вижу, что и удержать его не смогу. Силой? Даже если так, то сбежит. И чем же я тогда лучше монголов-людоловов?

Да не только кузнец… Мои планы будто бы разбивались на осколки. С кем остаюсь?

– Уйду, Ратмир. Не серчай. С Жировитом не ушел, ибо он слаб и хитер. Но с ратными людьми… А что до баб и деток, так кто с нами захочет идти, пущай. Обиды никому не будет, – сказал ратник Глеб.

– Вам мало? – сказал я, обводя рукой вокруг. – Узрели гибель рязанцев и града вашего, так еще и Москву посмотреть в руинах желаете? А что до мести нашей убийцам, то будет и она. Со мною знатной она будет. Но мстить с умом нужно. Окрепнуть и бить!

Но кузнеца не прельстило моё обещание. Он хотел вражьей крови здесь и сейчас.

– Нет… Прощевай, десятник. Не по пути нам. Не буду я тебе помощником, – сказал кузнец.

Я сделал вдох-выдох, чтобы успокоиться. Нужно непременно сдержаться. У каждого должен быть свой выбор, даже если он и не слишком разумный. Может, эти люди, покидающие меня, не смогут считать себя людьми, оставшись, и поедом съедать себя станут.

– Оставлю тебе молот свой и наковальню. Они добрые. А мне ни к чему более. Коли Бог и старые боги дозволят, так свидимся еще. Но прошу тебя, дай коня и меч добрый. А все иное оставляй себе, – сказал кузнец.

И не только три ратника меня покинули с кузнецом и его сыном. Уходили и некоторые женщины, дети…

– Глупцы! Примите же наконец, что сие не набег, что это не на время. Это надолго, если никого не будет после, кто сопротивляться будет, то иго татарское на Руси не уйдет никуда. Города разрушат, пашни потопчут… – уже почти что кричал я, призывая одуматься.

Тщетно. Разрушили Рязань, идут в Москву. А дальше? В Новгород? Разве что что. Но зачем они все там?

– Но я буду ждать каждого и найду, чем обогреть и накормить, ежели вернетесь, – сказал я и демонстративно отвернулся.

Обидно? Да. Но это обида за людей, которые никак не желают осознать опасность. Сами лезут степному Зверю в пасть. Мои слова не смогли их переубедить, перевесить боль, горечь и страх, что гнали их по дороге. Но у каждого будет выбор. Может, увидят еще последствия от нашествия – и тогда придут ко мне.

Найдут ли они здесь меня? Это вопрос. Ведь я сам еще не знаю место, где остановиться. Но станут держаться реки Дон, то сыщут.

Что уж там, признаюсь – я им немного завидовал. Я тоже бросил бы все и всех да и отправился умирать героически. Но… далеко не все уходили.

И я никак не мог оставить их – слабых, беззащитных, кого некому больше спасать.

Вот только стартовые позиции нас, разянцев, и без того смотревшиеся аховыми, стали еще хуже.

Глава 5

У реки Воронеж
28 декабря 1237 года (6748 от сотворения мира)

Я смотрел, как удаляются русские ратники. И не только они, но еще за могучими на вид, в блестящих доспехах, подбоченившимися и горделивыми московскими ратниками плелись суровые, смурные, испуганные люди. Они поверили, что там будет лучше. Жаль… Пусть Господь, или старые боги, а может, просто удача им поможет выжить и не попасть в рабство.

Лишь только Аким-кузнец ступал уверенно, торопко, будто бы спешил вершить правосудие. Ему я бы пожелал, прежде всего, успокоить свою душу, тогда и разум вернется. Поговорил со всеми, кто уходил, где можно было бы нас искать. Может придут. Мне все люди нужны.

Эх! А ведь большинство из них погибнет. Как бы было хорошо, идеально, если бы можно было рассчитывать на сознательность тех князей, кого не побороли, не повоевали ещё монголы. Ведь их немало. Почему Новгород не шлет свое ополчение и дружины? Псков, Полоцк, Смоленск, Киев, наконец. Еще можно было что-то придумать. Но… увы.

Я вспомнил ответ черниговского князя, когда князь рязанский ему прислал просьбу о помощи. Черниговский владетель вспомнил обиды, что рязанцы не пришли на общерусский сход у реки Калки, когда русская рать была разгромлена всего лишь двумя туменами монголов. Мол, ты тогда не пришел, а я сейчас не приду.

И таких обид между русскими владетелями было множество. И никто из них пока не сразумел, что монголы пришли не просто с набегом, как, например, приходили когда-то половцы, да печенеги. Монголы пришли завоёвывать земли, а не только лишь поживиться, пограбить их. Что придется отдавать дань и людьми и имуществом.

Так что здесь срабатывал принцип «моя хата с краю, и её не тронут». Северо-западная Русь, Владимиро-Суздальская земля – соперник для южнорусских княжеств. И я даже уверен, что где-то в Киеве сейчас поднимаются тосты за то, что этих выскочек Залесских прямо сейчас наказывают степные орды. Ведь воевали в усобицах друг против друга. Изяслав воевал с Юрием Долгоруковым за Киев, разрушая его, потом больше…

А когда монголы придут в их дом, когда героически сражавшемуся юному козельскому князю не придёт на помощь ни один из других князей, когда не успеет на выручку черниговскому князю смоленский… Когда Киев, героически оборонявшийся, окажется в руинах наподобие рязанских… Не к кому будет уже обращаться за помощью.

Я это понимал, и зубы мои скрежетали от злости, что изменить ничего нельзя. Ну, допустим, я прибыл бы к киевскому князю и стал бы ему рассказывать, что собою представляют нынешние монголо-татары. Так ведь не послушали бы. Здесь без вариантов. Не прочувствуешь, не поймешь, что иные времена наступают.

Нет, пока что я не могу существенно повлиять на ход истории. Но вот создав некоторое технологическое преимущество, можно пробовать исправлять ситуацию. Существующими методами, тактикой и оружием Руси победить монголов невозможно. Мне же нужно время, чтобы создать оружие и основу для будущих побед. Войны не бывает без базы, тылов. Именно они кормят армию и дают оружие. Сперва – тыл; после – война.

– Выходим! – скомандовал я, и Матвейка, тот самый парень, которого я первым увидел в этом мире, дернул вожжи.

Вновь пошел снег, будто бы хотел белым покрывалом закрыть тот ужас, что царил в Рязани. Как закрывают умершего белой простыней. Но можно запорошить сожженный город. Кто же запорошит память о зверствах? И нужно ли забывать? Нет… Помнить и мстить. Мы не рабы – рабы не мы! Еще посмотрим, дайте срок!

Сани лихо покатили в сторону леса. Порой двигались даже куда как быстрее, чем можно было бы пешком по ровной летней дороге.

Зима на Руси – как ни странно, лучшее время для перемещений. Немалое количество рек можно преодолеть по льду. А если снег не слишком глубокий, а он всего-то пока по щиколотку, редко где по колено, то лошадь без особого напряжения тянет даже гружёные сани.

Именно поэтому и монголы предпочитают воевать зимой.

Странное дежа-вю накрыло меня. Я вновь вспомнил, что служил в Афганистане. Словно бы этот эпизод моей прошлой жизни и вовсе стерся из памяти, а тут – такая яркая картинка в голове.

Я начинал службу в Афгане ещё в восемьдесят первом году, будучи молоденьким лейтенантом. И пусть это было очень давно, и воспоминания мои от реальности отделяет сейчас чуть ли не восемьсот лет, я вдруг вспомнил, как уходили мы в горы на задание, как днём нещадно пекло солнце, а по ночам ударял минус.

Так же и в степи. Там, даже и сильно южнее, отлично знают, что такое холод. Степняки – люди не изнеженные, якобы привыкшие разве что греться на солнышке и не знающие, что такое снег. Они приспособлены к сильным морозам. Так что в этот раз «генерал Мороз» вряд ли сильно поможет русичам. Он пока что помогает врагу… Предатель.

Уже скоро мы встали на ночлег. Получилось найти удобный вход в лес, а там благодать – сосны, ели, много валежника. Хорошо переночевали, пусть и дети плакали, и женщины порой подвывали. Но не кашляли, не умирали от холода или голода. А слезы… Всегда на смену грусти приходит радость. Но, видимо, не сейчас. Ни вечером, ни проснувшись с лучами солнца никто даже не улыбнулся.

Нужно жить, что бы ни произошло. А тут пока что царит такое настроение, будто бы идет похоронная процессия. Впрочем, все здесь и вправду буквально вчера похоронили не только родных, но и свою привычную жизнь.

Но шли довольно бодро. В пролески и в густой лес заходили, только когда точно было известно, что там есть хоть какие-то тропы. Старик Макар стал главным нашим штурманом. Все признали его авторитет и знания географии вокруг Рязани и дальше. Получается идем, куда этот Макар только телят ни водил! И теперь вел нас, как телят, ну или быков… А вот женщин в подобном ключе я сравнивать не готов.

А всё-таки за прошедшие три дня я не раз видел сомнения на лице Макара. И чем дальше мы уходили, тем чаще такое бывало. Прежде чем указать рукой направление, он мог и минут пять кружиться и сомневаться.

Я даже подумал на какой-нибудь стоянке попробовать намагнитить, энергично потерев о шерсть, иголку – и найти север. Создать первый русский компас. Однако переходы были изнурительными. И каждая стоянка – это отдельное сражение за выживание. Тут не до прогресса.

А ведь это ещё нам повезло, что кипчаки сюда на этаких кибитках пришли. Над каждой телегой у них был сооружён каркас, на который навалены шкуры животных и шерстяные ткани. Внизу таких телег также были шерстяные ткани, меж которыми уложено изрядное количество примятого сена.

Так что некоторый фураж имелся в каждой кибитке. Но его, конечно же, не могло хватить на весь переход. Зато спать в таких сооружениях было вполне возможно, если хорошенько укутаться (для этого пригождались меховые шубы).

Еще на ночь мы обязательно топили снег на костре, заливали почти что кипяток в кожаные бурдюки. И они очень даже неплохо обогревали. На ночь, конечно, не хватало. Но тут главное – уснуть, и в целом в кибитках было очень даже нормально спать.

И не только спать. Периодически и днем дети ехали в кибитках, пристраивались по очереди. Просто замёрзнуть можно было только в том случае, если вовремя не согреваться в кибитках и под шубою, хотя бы и по очереди.

Вот только, чтобы ночевать в кибитках, необходимо было останавливаться, выгружать всё то, что на них перевозится. А поутру вновь это всё грузить. И взрослым, и детям приходилось идти пешком вместе с нами. Или воины – Мал, Мстивой, я да Лучано – сажали детей на коней, чтобы не дать им свалиться от усталости.

Холод, конечно, всё равно донимал. Мне не хватало места, если уже по чести, в кибитках. Да и оставшиеся воины не пользовались благами удобных кочевых домов на колесах, а пока что на полозьях. Иногда я и вовсе отсыпался днем, на ходу, в той же телеге. Ну или ночевал в наспех сооруженных шалашах, куда по углам раскладывали нагретые в кострах камни.

Пятьдесят два человека, это с детьми, шли искать лучшей жизни. Этого, конечно, мало, чтобы думать о действительно великих делах. Но я был уверен, что наша община будет расти. Нам бы только обосноваться, и тогда я примусь за поиски других людей.

Среди всех людей, четыре – это воины, вместе со мной. Еще семеро условно ремесленников. условно, так как мне бы проверить их на профпригодность. Было двадцать три женщины, все молодые, ну кроме Виданы. Двое подростков лет по четырнадцать-тринадцать, десятилетних и помладше мальчиков-девочек еще дюжина. Двое совсем маленьких членов общины. И дед Макар. Вот и все наши люди. С кем оборону держать? А воевать? Есть расчет на то, что к нам придут люди.

Я не собирался сидеть сиднем – будем нападать на те караваны, которые уводят русских людей в Орду. И это самый главный наш актив: монголы, не будь дураками, поведут сильных, красивых, умелых мужчин и женщин. Но больше всего их будут интересовать ремесленники. Мы же их обязательно освободим – и наша маленькая община пополнится.

Община маленькая, а воинов и совсем почти нет, наперечёт – четверо нас. Сюда же можно причислить ещё восемь мужиков с Макаром. Но это так себе вояки, вовсе не способные к воинскому ремеслу. Говорили, что Рязань обороняли в большинстве своём вот такие ремесленники, когда на реке Воронеж татары перебили большую часть дружины князя.

А вообще община у нас красивая. Кипчаки знали толк в женской красоте. Что ни женщина, то кровь с молоком. Правда из всех только что Любава была девицей, остальные с детьми. Ведана, ведьма старая, ни красотой не выделялась, ни молодостью не блистала. Однако, судя по всему, женщина была очень полезна в нашей зарождающейся общине.

Как именно смогла спастись Ведана, да ещё и сохранить некоторые свои заготовки трав, я так и не понял. Она будто бы специально нагоняет туману на свою личность, выстраивая ореол мистицизма. Это весьма удобно: старуху явно побаиваются, считая, что она общается со старыми богами, и именно они помогают в лекарстве.

Что ж, может, и вправду так? За три дня пути у нас не заболел ни один ребёнок! Голос Любавы стал осиплым, старик кашлял и, кажется, немного жаром маялся. Но они оба отказывались принимать снадобья от Веданы, будучи убеждёнными христианами. Вот только молитвы почему-то не особо помогали. Но дети не заболели! Это был показатель, который заставлял меня смотреть в сторону Виданы с уважением.

– Ратмир, четвёртый день нынче, – нагнала меня во время очередного перехода Ведана.

– И что? – не понял я, чего от меня хочет ведьма.

– Да ты безбожник, что ли? – воскликнула женщина, возмущённо взмахнув руками. – Четвёртый день – день Перуна. Али нам воинская удача от громовержца не потребна?

Я пожал плечами. Если людям нужен культ, то и ладно. Может, хоть кто улыбнется, и тогда уныние немного спадет. Нужно горевать о потерях, но еще важнее жить. А без радости, без детского смеха нет жизни. Пусть перекладывают свои страхи на богов, освобождаются от уныния и смиряются с новой жизнью.

– Ну, делай, что должно, – сказал я.

– Видишь тот великий холм? – показала вдаль женщина. – Там дуб вековой. Самое перуново место, надо повязать ленту.

Я смотрел туда, куда указывала Ведана. Признаться, увидел только холм, далеко это было. Моё зрение было лучше, чем в иной жизни, но никакого дуба я пока что не видел. А старая Ведана видела. Хотя это ещё, конечно, не доказывало, что женщина – колдунья. Нечего мне отходить от материализма. Но… ведь я тут, в тринадцатом веке. И как рационально это объяснить?

Между тем, если для собственного спокойствия им так важно завязать цветастую ленточку на высоком дереве, то почему я должен этому противиться? Даже если старик Макар будет против, как пассивный борец с язычеством.

На самом деле я заметил, что эти люди в своих молитвах поминают и Господа Бога, и иных разных божков. И мог только этому кивнуть. Когда человеку плохо, он хочет возложить надежды на какие-то сверхсилы. Если это помогает не впадать в истерику, не паниковать и действовать слаженно и решительно, то пусть хоть во что верят, лишь бы на пользу шло.

И ведь всё равно: каждый крестик носит, каждый крестится, но теперь почти все полезли на тот самый холм вешать свою ленточку во славу Перуна-громовержца.

– В лес уйти надо! – моё любование, как каждая из девушек, несмотря на сложный переход, карабкается вверх по склону холма, чтобы повесить свою ленту, прервал ратник Мал Лихун.

У него было какое-то своё имя, которое не соответствовало статусу ратника. Мал – малый, не приличествует ратнику малым быть. Поэтому все его звали по прозвищу. С каждым днём всё вернее он становился моей левой рукой и помощником во многих делах. Мстивой же нынче – правая рука и заместитель.

Это тот самый лучник, что помогал мне в бою против кипчаков при освобождении пленников. Оказался весьма грамотным и профессиональным лучником. Не могучий, но еще тот «Леголас». Хотя… и он и Мстивой спрашивали, почему я не беру лук. Мол, был одним из лучших стрелков в дружине князя. Как-нибудь я бы потренировался, может руки «вспомнят», как и что нужно делать.

– Командуй! – сказал я Лихуну.

Уже скоро все наши сани стали пробираться через кусты, между деревьями, максимально, насколько это было возможно, прячась в лесной чаще. Конечно, глубоко в лес заходить не получалось. Да и не нужно это. Главное – спрятаться.

После ветками мы стали заметать следы от полозьев. Хотя наши следы были не единственными, видели мы и другие в округе. И всё же решили затаиться и перестраховаться.

Степняки словно боялись леса и близко к нему не подходили. Максимум, что использовали, – это редкие пролески, чтобы починить какую-нибудь телегу или развести костры.

Мы уже трижды встречались с отрядами степняков. Один раз я даже чуть было не решился напасть. Отряд был небольшой, человек пятнадцать монголов или каких иных народов, входивших в состав воинства Бату-хана.

Но одёрнул себя. Нельзя раскрыть, куда именно уходим. Тем более, ведь у нас довольно богатый скарб с собой. Только меха, которые мы везли, могли бы вызвать охоту со стороны завоевателей. А если степные вояки узнают, что у нас ещё немалое количество серебра и даже есть золото, дорогие ткани, включая несколько отрезов шёлка, нам несдобровать.

Так что сперва нужно прийти на место, определиться, где именно встанем, чтобы безопасно развивать своё поселение. А уже потом будем думать, кого и как громить и что вообще делать относительно внешнего периметра нашего маленького мира.

С такими мыслями я последним заходили в лес, убеждаясь, что все сани уже спрятаны. Уже скоро, не прошло и часа, люди рязанские завидели караван. Лошади, люди – тут даже два верблюда было. Но не это главное…

Сердце сжималось, когда я видел, как ведут русских людей, привязанных к длинным жердям десять-двенадцать человек. Кто-то спотыкался, иные падали, и по их спинам и головам

тут же прилетали удары плетью. Да, все были в тёплой одежде. Некоторые даже в недешёвых меховых шубах.

Причём я заметил, что большинство тех, кто шёл в добротных шубах, – молодые девушки. Видно, их берегут как значимый товар, или выделяют из общей толпы, чтобы девицы вели себя покладистее во время остановок каравана. Забота? Как раз нет. Какая же грязь!

Сами же бандиты, сопровождающие пленников, были монголами. По крайней мере, об этом мне говорили их низкорослые лошадки, на которых всадники выглядели даже несколько смешно. Вот только смеяться почему-то не хотелось.

А ещё, если половцы имели чуть раскосые глаза, то эти разбойники казались вовсе лишёнными глаз – настолько узкими они были. Многие были в меховых шапках с меховыми же «ушами». Этим головные уборы издалека были похожи на шапки-ушанки. Обувь меховая, мехом наружу, как унты. Но… мне показалось, что некоторые были в валенках.

Воины эти не были защищены какими-то сверхсовременными доспехами или экипированы с головы до ног. У некоторых были булавы вместо сабель, у иных – не самые длинные копья.

Вооружение половцев, и уж тем более русичей, было куда как грознее. И сабля, по всему видать, как у того десятника или сотника, который сейчас остановился и всматривается в лес, заточена только с одной стороны.

А монголы громят и хорезмийцев, и китайцев, и русичей с половцами, и всё почему? Потому что у них порядок и жесткая дисциплина. Потому что они на подъёме и создают централизованное государство. И потому что те, кого они бьют, либо совершают фатальные ошибки, либо просто-напросто не могут объединить свои силы.

Монгол, с виду главный в этой ватаге, вальяжно слез с коня, узкими глазами пытаясь рассмотреть, что происходит в лесу.

– Всем приготовиться, – приказал я, хотя и готовиться было некому.

Нет, я молил бога, чтобы нам не пришлось вступать в бой. Не меньше чем полусотня монголов противостояла бы нам. И по всему видно, что они организованы и дисциплинированы и не допустят тех ошибок, которые позволили нам громить кипчаков под Рязанью. И что могут четыре воина?

Но насколько мы успели уйти в лес, насколько ветками прикрыли полозья саней, настолько теперь имели шанс выжить. Между тем, если придётся, будем сражаться и умирать.

Небольшая остановка, вызванная подозрительностью командира отрядов монголов, пошла на пользу его пленникам. Многие повалились прямо на снег, вытянув ноги. То есть даже холод не пугал их так, как лютая усталость.

Я прятал глаза. Понимал, что, скорее всего, меня не видно, так как я ещё и накрылся светло-серой тканью. Но я воин. И даже в прошлой жизни, вот только сейчас вспомнил об этом, при всех этих новейших средствах связи, контроля, беспилотниках и прочим, что одновременно и облегчает, и усложняет боевую работу, у меня развилась чувствительность. Чужой взгляд я бы почувствовал.

Между тем монгол приказал своим людям двигаться дальше. Он то и дело оборачивался, всматриваясь в то место, из которого я наблюдал за ним.

Поднялись не все пленники. Примерно двое из двух с половиной сотен связанных русичей так и остались лежать на снегу.

Хладнокровно, будто только что нарезал сало для перекуса, один из монголов подошёл, разрезал верёвку у пленника и, не саблей, а булавой ударил одного мужчину по голове. А потом подошёл к женщине, которая уже пыталась подняться, но то ли поскользнулась, то ли у неё подкашивались ноги, и она в очередной раз упала, завалив с собой десяток людей, связанных с ней на одной жерди. Женщина тоже удостоилась удара булавой.

Я сжал до боли кулаки, прикусил губу и почувствовал солоноватый вкус крови. Стало тяжело дышать, я пытался успокоиться, уговаривая самого себя не рвануть сейчас туда и не начать бессмысленный бой. Замыкали всё это построение пятнадцать всадников. И сколько бы я успел убить, прежде, чем меня убьют?..

Троих, четверых, пусть десяток? Это ничего не изменит, а пленных будут охранять лишь строже.

А сколько я смогу спасти, если получится освоиться на новом месте и начать свою войну? Я ещё снесу тысячи буйных голов степных завоевателей.

– Простите меня, люди добрые, – еле слышно шептал я тем, кого сейчас уводили в рабство. – Я приду за вами.

Я пообещал, будучи уверен, что так и будет.

– Ратмир… – произнес стоявший рядом со мной ратник Мстивой.

Я вернулся и увидел замёрзшие капельки на его щеках. Нет, дождя не было. Можно было подумать, что это пот, замёрзший на морозном ветру. Но это слеза, мужская, стоившая многого.

– Мы будем мстить, – сказал я, схватив за плечо ратника, который с трудом, как и я, сдерживал желание кинуться в бой.

Иные два воина, что были за нами, наверняка не видели того, что произошло, и теперь только переглянулись. Не видели они и того, как мальчик лет восьми-девяти бросился к той женщине, которой только что проломили череп.

– Мама! – почти услышал я крик ребёнка, лишившегося матери.

Так каким же я буду мстителем? Хотелось бы сказать, что буду зубами их грызть. Но сила моя не в зубах, она в голове.

И уже сейчас я хотел промотать время – может, на полгода, может, год вперёд – и поскорее увидеть тот момент, когда смогу ненадолго покинуть этих людей и отправиться брать дань монгольской кровью.

Глава 6

29 декабря 1237 года (6745 от сотворения мира)

Мы не выходили из своего укрытия часа два. Да и потом… я приказал собирать валежник и готовиться к ночёвке. Вообще-то нам было по пути с отрядом монголов, что вёл пленников. Но это так себе попутчики… Встречаться с ними нам категорически нельзя.

Хотя меня и соблазняла мысль проследить за монголами – и хотя бы оценить их готовность к ночному бою. Но пятьдесят воинов… чтобы одолеть их нашими силами, монголы, как минимум, должны были бы спать минут десять и не реагировать, как мы будем их вырезать вчетвером, с небольшими перерывами на отдых.

К тому же, терять ещё хоть какого-нибудь ратника из трех, или хоть одного из мужиков, которые чуть оружие держат, я не мог. У нас и так с этим беда.

– Ты! Генуэзец! Паршивый ты пёс! – через часа три, когда монголы с пленниками скрылись из поля зрения, я услышал крик Любáвы.

Оставив одну из кибиток, в разгрузке которой я участвовал, помогая в этом женщинам, я пошёл на крики девушки. На небольшой поляне Любава стояла да хлестала Лучано по лицу.

Арбалетчик не предпринимал никаких действий, опустив руки и даже не зажмурив глаза. Он получал удары девичьей ладонью, лицо его всё краснело, а скоро и кровь пошла из носа. Но Лучано смотрел на Любаву без злости и без удивления – даже с признательностью, что ли, влюбленными глазами.

– А ну прекрати! – выкрикнул я.

Любава осеклась, послушалась, села на пенёк, закрыла лицо раскрасневшимися от ударов ладонями и стала рыдать.

– За что она тебя? – спросил тогда я итальянца.

Лучано не сразу ответил. Он тоже был на эмоциональном срыве, голос парня дрожал.

– Может быть, или даже наверняка… этих рабов повели в мою торговую факторию. Мои соплеменники торгуют рабами, и Любава об этом знает. Половцы хотели продать ее в дом похоти. А я думаю, что такую красавицу впору отправить в лучший дом похоти в самой Генуе, или в Константинополе, – сказал Лучано и зарделся.

– Тебе мало? Еще хочешь получить? – усмехнулся я. – Так себе признание в любви.

В его словах слышались эмоции: видно, и ему противна была работорговля. Словно арбалетчик извинялся за своих соплеменников. Но после слов о любви что генуэзец, что Любава зарделись и стали прятать взгляды.

Да. Кому война, кому любовь. Или любовь сильнее любых невзгод? Вокруг – картина самого что ни на есть конца света, а двое молодых человека то и дело бросают друг на друга заинтересованные взгляды. Вот только выражать свои эмоции не научились. Может, Любава не бить по щекам хотела парня, а что-то иное?

Я ничего не ответил. Подошёл к Любáве, помог встать и повёл к кибитке, в которой на протяжении трёх дней она вместе с четырьмя детьми ночевала.

– Он… он такой же, как и они. Я же своими глазами видела этих генуэзцев в войске татар, – всхлипывая, говорила Любава.

Понятно, что ситуация трагична, и девушка просто не смогла сдержать эмоций. Но я вдруг понял: я ревновал. Вон как горько говорила она о своём разочаровании, и напрашивался вывод: чтобы разочароваться, надо сперва очароваться. Выходит, влюбилась красавица в него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.